

КАПИТАН ДВА ЛИЦА

ЭЛРИГБИ

Ведьмин сад

Эл Ригби

Капитан Два Лица

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ригби Э.

Капитан Два Лица / Э. Ригби — «АСТ», 2018 — (Ведьмин сад)

ISBN 978-5-17-107782-2

Смерть здесь неотделима от удачи, а удача – от смерти. Море полно тайн, и бороздят его пираты трех гильдий. Соколы верны своим государям. Волки верны чести. Крысы верны лишь монете. Для короля Талла пираты – враги, но для сбежавшего принца Ино они – семья. С легендарным прозвищем, со шлейфом подвигов и преступлений, с верной командой он стал капитаном лучшего волчьего брига и почти забыл свой дом. Но прошлое зовет назад криком о помощи. Отец мёртв. Страна бедствует. Ею правит бог страха. Ино верит, что вернулся ненадолго – усмирить бунты и короновать сестрицу. Вот только трон не нужен упрямой принцессе, а дворец может стать двуликому пирату могилой. Каким же будет его путь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107782-2

© Ригби Э., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Королевская роза и королевские Соколы	8
1. Неспящий	8
2. Три корабля, виселица и трактир	12
3. Ее высочество говорит «нет»	20
4. Средние величины	27
5. Шан'	36
6. Подарок	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эл Ригби

Капитан Два Лица

© Эл Ригби, 2015

© М. Козинаки, художественное оформление, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Fabryei

Вы – мой Валентин Катаев.

Спасибо, что подарили компас.

Моей маме

Замечательной.

Моим Офицерам

Без вас никуда.

И всем, кто ищет свою гавань или свою бурю

Вы найдете.

Пролог

*Пощади меня, боже, избавь от оков!
Их достойны святые – а я не таков.
Я подлец – если ты не жесток с подлецами.
Я глупец – если жалуешь ты дураков.*

Омар Хайям

Пропавший смотрел с городских стен и молча о чем-то спрашивал, а может, просил. Королевский живописец подчеркнул его длинные темные локоны, резкие скулы и упрямый подбородок, а для глаз использовал яркую синюю краску. Рисуя, он очень спешил. Вышло неаккуратно, но всё равно *пропавшего* невозможно было не узнать, ведь вряд ли кому-то не встречались раньше его портреты. Этот – последний, а может, и посмертный, – размножили на большем числе листов, чем уходило обычно на утренние новости. К рассвету портрет расклеили по всему Ганнасу и округе. И сонная столица заволновалась, заметалась, как в лихорадке.

А новостей в тот день не напечатали вообще. Пропавший и был главной и единственной важной новостью, хотя я думаю, головоломки с перепутанными словами и сплетни о дворах Заморья в разы интереснее. Даже объявления о продаже гусей, чьих-то союзах, размолвках и смертях – интереснее. Но в тот день всё это забыли.

«Вы видели?»

«Вы знаете?»

«2000 варров за улицу, по которой он прошел!»

«Любой благородный титул за место, где он прячется!»

«Корабль за имя того, с кем его видели в последний раз».

«Рука принцессы за его спасенную жизнь».

Король, и советники, и стража – все тогда много обещали. Любое обещание, будь оно выполнено, перевернуло бы чью-то судьбу. Но их не выполнили. Потому что бумажки с аляповатым портретом и красивыми цифрами не помогли, хотя их становилось все больше и больше, а обещания – краше и краше.

Я знаю это точно. Откуда? Может быть, потому что в тот день ходил по улицам и срывал один портрет за другим, понимая, что не сорву все, но все-таки постараюсь. Может быть, потому что еще три или четыре Полукруга, от Большого Прилива до Большого Отлива, все говорили только о случившемся с бедным мальчиком. Одна история была страшнее другой, но я честно собирал их все, как иные собирают редкие морские раковины или насаживают на иголки бабочек, чтобы украсить мертвыми крыльями мертвые стены.

А может быть, потому что тот, чье имя и прозвание вскоре перестали произносить, заменив на безликое, грустное слово «*пропавший*», – это я.

И сегодня я возвращаюсь домой.

Часть 1. Королевская роза и королевские Соколы

1. Неспящий

Тело под слоем полупрозрачной соли казалось живым, и его можно было отчетливо рассмотреть. До последней черты лица, сильно постаревшего, но все еще красивого; до последней волны седых волос; до последнего сверкающего самоцвета на рукояти меча. Да, верный меч тоже лежал здесь: в сложенных у груди руках, он словно разрезал силуэт пополам. Россыпь камней – морских фарилов, блестящих в переплетении узоров, – была такой же синей, как застывшие глаза.

Всем мертвецам Альра'Иллы смыкали веки, когда приходил их последний сон. Всем, кроме королей: они не смели спать, им предстояло бдеть, охраняя покой своего народа. Так поступили и с королем Таллом. Сколько бы страданий он ни перенес при жизни, он обязан был выполнять свой долг, смотреть сквозь кристальную толщу на тех, кто остается жить. Так же, как и все, кто правил до него и сейчас лежал рядом, в ряду таких же соляных гробниц Ора'Илла – Сонных пещер. Все эти мертвецы глядели остановившимися глазами, одинаково синими, как ночная вода. Видели ли они что-то? Жалели кого-то? Тосковали по живым голосам и живым ошибкам?

Пальцы, униженные множеством колец, с ласковой осторожностью провели по соляной толще. Синие глаза – такие же синие, как у *неспящего* с той стороны – медленно скользнули по мечу. От сияющего лезвия к рукояти, а оттуда – к запрокинутому лицу.

– Если бы я знал, что опоздаю. Если бы я знал.

Голос был тихим. В звучании слышался чуть уловимый акцент: слишком размытые окончания большинства слов, свойственные жителям Заморских Станиц. И голос едва уловимо дрожал.

– Дуан...

Он обернулся. Гибкая тень стояла на входе и крепко сжимала в руке длинную, такую же гибкую, как она сама, плеть-фенгу.

– Они уже узнали, Дуан. Они идут сюда.

– Сколько? – Он потянулся к застежкам своего камзола с рассеченными на манер птичьего хвоста полами.

– Мало. Пять швэ¹ в лучшем случае. Они минуют перевал.

Дуан криво усмехнулся, стаскивая одеяние с плеч и небрежно бросая девушке; она поймала и перекинула через плечо. Уважительно кивнув, он принялся за перетягивавший поясницу ремень, на котором обиженно загремели самые разные предметы: ключи, легкие жестяные флаконы, тканевые мешочки с порошками и кинжалы. Подумав, он оставил один нож, один мешочек и один флакон – рассовал по карманам штанов, которые едва прикрывали колени и подошли бы скорее подростку. Остальное со звоном полетело за одеждой следом и тоже было легко, даже виртуозно поймано.

– Пять швэ – куча времени для пирата, – сообщил он, оправляя белую, не застегнутую, сильно жавшую в плечах рубашку. – Я что-то забыл, Дарина?

Прозвенел короткий звук, похожий на свист, затем – щелчок. Дуан ощутил движение воздуха где-то возле уха, а в следующее мгновение на его голове не было привычной темной

¹ Примерно десять минут по нашему времени. – Здесь и далее примечания автора.

шляпы с прикрепленным сзади алым «хвостом». Шляпа оказалась в черных, почти как уголь, руках.

– Это.

– Спасибо. – Теперь он повернулся всем корпусом, чтобы посмотреть на нее в последний раз. – Что бы я без тебя делал.

Дарина опустила блеснувшие в темноте золотистые глаза и поправила волосы.

– Может, ты передумашь, Дуан? Это... риск. Занять место того, кто назначил за твою голову семь тысяч варров награды.

– Это долг, – возразил он. – И я его отплачу так, как смогу. Надеюсь, мне не понадобится слишком много времени. Благо, это будет проще, чем кажется.

– Дуан, а если *она*...

Приглаживая волосы, он бодро подмигнул.

– Ты же знаешь, я не сдаюсь. А еще не проигрываю, проигрывают обычно мне.

Вдалеке что-то гроыхнуло, потом затрубило. Двое знали этот звук, но даже не вздрогнули.

– Уходи. И не забудь... – Вспомнив еще кое-что, он принялся снимать кольца и одно за другим ссыпать в оставленный мешочек, небрежно, как срываемые с кустарника крупные орехи. – Для команды я отправляюсь на Совет гильдии Соколов. Чтобы мы наконец стали не просто пиратами, а личными пиратами Доблестной Монархии Тиван. С пактом на разбой и без страха быть вздёрнутыми, как сухопутное ворьё.

Она вздохнула, переступив с ноги на ногу.

– Что потом? Ты же не добудешь эту бумагу, Дуан. А они будут надеяться.

Он пожал плечами и – заключительная деталь – вынул из ушей тонкие серьги. Кинул в тот же мешочек и перебростил своей помощнице. Она опять поймала, стоило ли ожидать другого?

– Может быть, я добуду что-то, что понравится им не меньше. И тебе. И Багэруну. Ладно, хватит. Присматривай за ними всеми. – Он помедлил, подумал и все же прибавил: – За некоторыми особенно. И пожалуйста... не попадитесь. Только не сейчас.

Дарина кивнула, покусывая губы. Он не отказался бы ее обнять, но она держала столько вещей, что было как-то неудобно. Поэтому он просто прижал руку к груди и низко, галантно поклонился – тем изящным движением, каким чаще кланяются пираты *совсем другой гильдии*. Взглянув исподлобья, отведя за ухо прядь длинных темных волос, он выпрямился.

– Удачи, Дарина. Надеюсь, еще увидимся. Нет, не так. Уверен.

– Дуан. – Глаза снова блеснули. – Ты... ведь не бросишь нас? Даже если тебе неожиданно *понравится* твое прошлое?

– Еще одно такое подозрение, и я тебя зарежу. План пойдет насмарку, но я не пожалею.

Говоря, он насупил так грозно, как только мог. Правда, с излишне пышными усами – намеренно отпущенными – и неопрятной бородой вид уже был не столь лихой и опасный, сколь раньше, скорее смешной до нелепости. Будто из пещеры выбрался, впрочем... что это он? Он ведь *именно* оттуда и выбрался, и *все* должны узнать об этом как можно скорее, *уверовать* и возблагодарить всех богов, до которых дотянутся. Вот только бородища, будь она проклята, отвратительно чесалась. Ох... Благо, до возможности побриться все равно оставалось недалеко. Если, конечно, авантюра срастется: умирать грязным бродягой было бы крайне грустно и даже позорно. Дуан поморщился и поскреб подбородок длинными ногтями.

– Хорошо. – Дарина кивнула и помедлила. – Кстати... тебе просили кое-что передать. Багэрон.

Внутри что-то знакомо, по-детски сжалось. Дуан вновь прислонил одну ладонь к соляной гробнице и как можно более равнодушно спросил:

– Что же мне хотел сказать *Железный*, чего не сказал сам?

– Он верит в тебя, что бы ни случилось. Но если проиграешь и как-то повредишь нам, он тебя выпотрошит и без потрохов вздернет. Всё.

– *Всё...* – повторил Дуан и снова улыбнулся. – Славно. Можешь передать, что я крайне тронут такой любовью. И если меня не прикончит по дороге кто-нибудь ещё, буду думать именно о его обещании. А теперь хватит соплей. Проваливай. Хороших вам ветров.

Беспокойство усилилось стократ, стоило гибкой тени сгинуть. Последнее верное существо, *нуц* с родовым именем Дарина, Черный Боцман, с которой Дуан однажды в одиночестве брал на abordаж медицинский корабль, когда все остальные лежали, распухшие от зураны. Да, в ее присутствии план – как и почти все другие планы – казался куда выполнимее. Без нее же Дуан впервые задумался о том, что сейчас ему могут просто пустить в затылок пулю, не тратясь на вопросы и предупреждения. Королевская стража никогда не славилась способностью вникать в происходящее глубже, чем на выстрел или удар меча. Диковатая Стража Гробниц, не привыкшая лицезреть живых гостей в своих владениях, – особенно.

И все же Дуан вновь повернулся ко входу спиной, склонил голову и посмотрел в глаза мертвого короля. Они не выражали ничего: ни облегчения, ни радости, ни скорби. Возможно, именно сейчас король всё же спал, просто не смежая век.

– Ты бы понял. Или велел меня повесить.

Больше Дуан ничего не сказал в следующие три швэ, пока звуки торопливых шагов не наполнили затхлый воздух. Пират стоял – прямо и недвижно, руки по швам. Стоял, надеясь, что сзади не видно: колени предательски дрожат, как у глупого желторотого юнги. И вот-вот...

– Ни с места! Замри, вор! Ты осквернил усыпальницу государей, да хранит нас их сиятельный взор! Повернись!

Предсказуемое начало почему-то успокоило. Дуан лениво подумал о том, что за время длинной тирады мог бы перестрелять как минимум половину наряда, а парочку увальней – зарезать. А потом он плавно, медленно, не переставая демонстрировать пустые руки, развернулся; босые ноги неприятно заскребли холодные камни.

– Доброго вечера.

Говоря, он уже встал так, чтобы заросшее лицо стало лучше видно в неровном свете факела. Лицо, мало чем отличающееся от лица *уснувшего* короля, будь он моложе и не разучись улыбаться. Лицо, которое знал каждый стражник, потому что обязанность высматривать в толпе эти черты была для них такой же неоспоримой, как две другие: дышать и носить клинок.

Высматривать. Искать. Верить. Тщетная и, казалось, невыполнимая обязанность уже на протяжении десяти, почти одиннадцати Приливных Кругов.

– Я, – громко и четко заговорил Дуан, – Ино ле Спа́да да Аларі́, наследник королевского рода. Боги вернули мне свободу. И я пришел занять место моего отца.

Каждое слово подобно пуле находило цель, а последним выстрелом стала *роза*: вспыхнула алым светом в центре приподнятой левой ладони. Детальный рисунок, королевский гербовый цветок, каким от рождения отмечен лишь род ле Спада, род *перворожденных монархов*, потомки богов. И какой обязательно проступает на коже, стоит любому наследнику произнести свое полное имя, включая последнее, «малое», прозвание. Прозванием Ино было «Алари». *Сокол*. Двусмысленное, сейчас – двусмысленное, как никогда прежде.

– Принц... это принц!..

Один за другим стражники падали ниц и бросали перед собой клинки и пистолеты. Никто пока не решался подступить, даже подползти ближе. Дуан тоже не двигался. Его мысли были далеко от неотесанных перепуганных людей в синих форменных плащах. Очень далеко. В море, по которому уходила от бухты остроносая баркентина. Дарина, наверное, стояла у штурвала, а может быть, там с ней стоял кто-то другой. Возможно, они, те двое, как всегда смеялись.

«Он верит в тебя». Так Дарина сказала?

Он верит, никто и не сомневался. Но вот провожать не стал.

Покусывая нижнюю губу, принц Альра'Иллы Ино ле Спада, или капитан пиратского судна «Ласáрра» Дуан Тайрэ, обернулся. Его настоящий, не дождавшийся встречи отец лежал под толщей соли и смотрел синими усталыми глазами, смотрел, не приветствуя, не напутствуя и не проклиная. *Здесь*. И Дуан должен был скорбеть чуть больше о нем, а не о другом, чужом родителе. Скорбеть, не думая, как хотел бы навечно свести королевскую розу с ладони.

2. Три корабля, виселица и трактир

Король Талл ле Спада да Халоран – «Воитель» – не был плохим королем. Даже наоборот, королем он был хорошим, но первые Приливы его правления пришлись на войну с Жу'Нуши-а́дом – государством чернолицего златоглазого народа нуц. Нуц верили в Темное божество Ва́рац, носившее на спине черепаший панцирь и принимавшее в жертву третьего ребенка из каждой семьи. Когда детей стало рождаться меньше, солдаты черного племени пришли к границам Альра'Иллы и переступили их.

Юный Талл, занявший место покойного отца, Овега Ученого, и едва научившийся держать меч, доверил оборону регенту, вчерашнему казначею. Войну проиграли, как и следующую за ней. Нуц обязали платить дань детьми только Приграничье – удивительно милосердная для дикарей избирательность.

Третью войну возмужавший Талл, к которому вернулись некогда покинувшие королевство старые полководцы, Нёллак, Лунгер и ле Фириёк, начал сам. Она затянулась на три Круга и кончилась победой. Король вернулся в столицу, Ганна́с, в прежний замок – отдавать приказы о мире. Молодой воитель мог бы насладиться покоем, но больше он покоя не хотел. К вкусу крови и лязгу стали ведь привыкаешь, как привыкаешь к воздуху и пению птиц.

Король любил красивых соблазнительных женщин, а самой красивой и соблазнительной для него оказалась почему-то Равви – златокудрое божество войны и битвы. Мир с нуц достаточно окреп: в их собственных семействах по велению богов снова стало много детей. Прочие соседи демонстрировали удивительно миролюбивый нрав и чтили Светлых богов или же просто были сильнее Альра'Иллы. Воевать стало не с кем. И тогда жажда сражений, которая не давала Таллу покоя, обрушилась на единственную угрозу, единственный дикий, опасный, а, главное, многочисленный народ, пусть и не имевший ни родины, ни стольного града. Это были пираты.

Пиратов в Морском Краю – на материке и островах, раскинутых среди огромного Первого Моря, Ши́йн, – жило множество. Одни служили определенным государям, поднимая их флаги и грабя их врагов. Другие не оставались близ одних берегов долго, меняли господ по желанию и принципам и звали себя вольными. Третьи продавались за деньги и звали себя так же, но слыли среди прочих «грязными наемниками». Соколы, Волки и Крысы. Каждая пиратская гильдия гордилась своим прозвищем и гербом.

Когда-то пираты, если не были отягощены слишком кровавыми преступлениями в этих водах, свободно заходили в порты Альра'Иллы. Во время Третьей войны с нуц многие из них сами примкнули к армии короля Талла. Правда, он пообещал такие награды, что уже трудно сказать, кто пошел воевать ради них, а кто по велению *тан* – доброй воли, текущей по хребту и делающей человека человеком. Так или иначе, силы пиратов оказались необходимы в решающих сражениях. Но платы не получил почти никто, если не считать платой быстрый уход в *вечный сон*.

Король Талл, завершив поход, уверился, что залог спокойствия любого государства – убрать всё, что нельзя утихомирить: переупрямить, приручить или купить, желательно дешево, ведь государство и так на краю голода. Пираты были именно такой силой, неуправляемой, способной сегодня прикрыть тебя грудью бесплатно, а завтра разграбить твой город. Это касалось даже тех, кто звал себя Соколами: лишь немногие действительно знали цену верности. В их головах было слишком много свободы и солёного ветра. Поэтому они были опасны.

Первое, что сделал король Талл, начиная свою *четвертую* – невидимую и долгую – войну, – упразднил «соколы пакты». У Альра'Иллы не должно было быть своих пиратов, и она отказалась щадить чужих, если они зайдут в ее порты. Это осложнило отношения с соседями, но пришлось примириться: зависимость от соли, которая отчего-то вся скопилась именно на

этом куске побережья, была слишком велика, а новая армия и новый король – слишком сильны, чтобы развязывать вражду.

До того как родился юный принц, а потом и принцесса, король часто участвовал в «охотах на Соколов» и сам успел стать прекрасным моряком, знающим немало о пиратских хитростях. Но с появлением наследников он не без сожаления оставил это флоту и занялся иными государственными делами. Лишь одно по-прежнему выдавало, что пираты не идут у него из головы. *Виселицы*.

Любимым занятием короля Талла в свободное время было посещение пиратских казней. Дочь он туда не брал, а сына стал брать, как только тот увидел свой девятый Большой Прилив.

– Ты должен знать, – всегда говорил он. Но никогда не объяснял что.

И мальчик по имени Ино, скуластый и черноволосый, как отец, узнал.

Что когда дует ветер, виселицы, качаясь, издают мелодичный, красивый скрип, который тем громче, чем тяжелее оставленные на них тела.

Что петлю можно затянуть так, чтобы при потере опоры шея мгновенно сломалась, а можно – так, чтобы тело «плясало» на веревке две, а то и три швэ.

Что в среднем, чтобы выиграть пару варров, монеток-раковин, надо ставить на то, что оно обмякнет на второй.

Что пятна на одежде, обвисшей мешком, – это не пот.

И что, вообще-то, для того чтобы отправиться в вечный сон, достаточно простой веревки.

А еще он понял, что, несмотря на всё это, не может ненавидеть своего отца, но не может ненавидеть и пиратов тоже. У принца Ино – как и у многих людей его положения – было два лица, для всех и для себя. С самого детства. Только так можно было не сойти с ума.

Впервые он увидел *их* вблизи в день своего восьмого Большого Прилива. И он никогда этого не забудет.

Здесьнее море умеет подкрадываться так близко, что переливается через набережную, вползает на улицы, затапливает нижние этажи домов. Именно поэтому крепкие двери и окна в приморских городах надежно законопачены, а воздухоотводы пронзают каждый этаж и тянутся высоко-высоко над крышами. Чтобы каждый Круг можно было сидеть у окна в Большой Прилив (и несколько за ним следующих, чуть поменьше) – и смотреть на недоумевающих рыб, медуз и черепах, плывущих мимо. Рыбы такие пестрые, что похожи на праздничные гирлянды или фонарики. Уходя, вода забирает с собой тот немногочисленный мусор, который не смогли убрать к ее приходу городские службы. За это ее благодарят танцами и празднествами, а корабли с наступлением сумерек устраивают парад, красуясь друг перед другом, как птицы в брачное время.

Так случилось и в *тот* день: кораблей были дюжины, один лучше другого. Король и его двор наблюдали с самой высокой замковой крыши, горожане – из верхних окон, с чердаков или же тоже с крыш. Некоторые забирались даже на трубы.

Пираты появились без приглашения: три стройных брига казались великанами среди прочих. У пиратов были черные паруса, а одежда в противоположность яркая, как у уличных шутов и гимнастов. Большие шляпы. Расшитые камзолы и блестящее оружие. Три корабля запустили с палуб ракеты из Заморья – края с другой стороны Шиин. Расцветив небо, искры сложились в сокола, волка и крысу. А потом в пиратов стали стрелять. И никогда ни до, ни после Ино не видел, чтобы кто-то уходил от погони и прорывал окружение так легко, управляя судном таких размеров. Никто тогда не поднялся на три борта, да даже лиц капитанов не запомнил ни один солдат.

Пока переполох еще не поднялся, люди в яркой одежде, точно смеясь, бросали высывавшимся из окон горожанам монеты и самоцветы – горстями, не считая.

– Выбирайте друзей! – кричали некоторые пираты и пиратки. – Выбирайте друзей!

Мальчик не понимал, что значит эта фраза, но чувствовал, что очень не отказался бы дружить с этими красивыми и шумными незнакомцами. Отец – кажется, совсем наоборот: кулаки его крепко сжались, а голос, которым он отдавал приказ выкатить прямо на замковую крышу пушки, звенел и дрожал от злости. На три корабля начали облаву, но они исчезли так стремительно, будто их оснащали не только заморские ракеты, но и заморские системы движения, которые, как говорили, строились на древнем *живом огне*, секрет которого тамошние жители украли.

Ино так и не смог забыть пиратов. О морских Соколах, Волках и Крысах он стал спрашивать каждого, кто мог хоть что-то рассказать. Отец поначалу не мешал, может, полагая, что врага лучше знать в лицо. Препятствовать он стал позже, когда кто-то из советников повторил ему вопрос юного принца: «*Как становятся пиратами?*». Ино перестали отвечать, а король-отец, помогая сесте в карету в другой, еще один *тот самый день*, мягко потрепал принца по волосам с видом, с каким обычно дарил подарки, и сказал:

– Ты хотел узнать, как становятся пиратами, так? Я не знаю. Но я могу показать тебе, как они умирают.

Впервые глядя на болтавшееся в петле тело, с которого кто-то стаскивал камзол, Ино понял, что расколоть чей-то мир – еще легче, чем отправить в *вечный сон* с помощью простой веревки. Отец, так многому научивший и продолжавший учить, был частью его жизни; пираты – самой жизнью, пусть чужой. Круги сменялись, казни вроде бы стали привычными. Но едва заметная трещинка побежала по тан юного принца. И она становилась всё шире.

Мир распался совсем, когда Ино увидел свой пятнадцатый Большой Прилив и вскоре, кажется, сотую на своей памяти казнь. Всё было, как и обычно: скрип веревки и помоста, молчаливая толпа, монотонное зачитывание приговора. Презрительный плевок, которым осужденный попрощался с жизнью, и его бешеный взгляд из-под алой повязки. И отец, подавшийся в своем кресле чуть вперед.

Синие глаза его горели тогда мрачным удовлетворением, пальцы впились в массивные подлокотники тронного кресла. Потом, став немного старше, Ино часто думал о том, что, возможно, именно такие швэ – а вовсе не проводимые в спальне с матерью – приносили отцу самое сильное наслаждение. Тогда же принц просто смотрел на пирата – красивого, статного, довольно молодого. Может быть, он оставлял среди живых свою возлюбленную, мать, лихую команду или...

– Нет!

Мальчик появился, уже когда опору вышибли из-под ног приговоренного. Принц привычно определил, *что* сделали с веревкой в этот раз: тело дико, бешено дергалось, руки, которые даже не связали, тянулись к петле и тут же соскальзывали. Да, Ино уже запомнил: руки связывают не всегда. Обычно этого не делают, именно если петля затянута *вот так*. Чтобы зрелище было ярче и, возможно, дольше.

– Отец!

Хрипы умирающего разносились ясно и остро в безмолвии толпы, и этот вопль – совсем тонкий и слабый – прозвучал почти выстрелом, по крайней мере, у Ино в ушах.

Может, конвойные опешили, может, зазевались, но мальчишка – худой, едва ли увидевший хотя бы десяток Приливов, – взлетел мимо них по деревянным ступеням и ринулся к столбу. Его голые руки вцепились в дергающиеся, молотящие воздух ноги пирата. Он тщетно пытался стать повешенному опорой, дать хотя бы глоток воздуха и продолжал что-то иступленно кричать. Ино не знал, к кому он обращается, – к человеку в петле, к страже, к богам или к зевакам внизу. Но слова – невнятные и перебиваемые слезами – звучали, звучали, звучали, смешиваясь с затихающим хрипом.

Тело обмякло: на этот раз дергалось полторы швэ, всего лишь. Те, кто ставил на большее, проиграл свои варры. Площадь заполнил разочарованный гул.

Один из конвойных, взбежав по ступеням, сгреб мальчика за шиворот и швырнул вниз, в толпу. От падающей фигурки все отступили, как если бы в них бросили загнивающий труп или ядовитую змею. Мальчик упал на каменную мостовую с высоты почти в два собственных роста. Больше он не встал, как оказалось потом, – свернул себе шею.

Ино смотрел на распростертое у ног толпы тело и на другое, болтавшееся на веревке. Смотрел пристально, ничего не говоря и не двигаясь, а внутри поднималось что-то похожее на спазм, хотя, зная, куда едет, он не прикасался к пище ни вчера вечером, ни сегодня утром. И все же нутро скручивало, это не походило на детскую тошноту, накатывавшую, пока зрелище не стало привычным. Что-то другое.

Отец лично выбрал конвой. Было ли это за то, что мальчика вообще пропустили на помост, или за то, что он *уснул* раньше срока, Ино не знал. Он не проронил ни слова с момента, как толпа начала расходиться, и – это было странным – молчал отец. Глаза оставались застывшими, остекленевшими, как под соляной толщей. Весь путь до замка Альра-Ган длилось безмолвие.

Об этой поездке в карете – последней – Ино тоже вспоминал часто, когда повзрослел. Иногда ему казалось, поговори они тогда, что-то сложилось бы иначе. Но ни один не разомкнул губ. Ино боялся, что, несмотря на голод, его вывернет, хоть желчью. А молчание отца осталось загадкой – тяжелой, нежеланной, гнетущей.

В ту же ночь юный принц навсегда покинул свой замок, свою сестру и своего родителя. Больше всего ему хотелось, чтобы Ино ле Спада да Алари исчез навсегда. И он исчез.

Как становятся пиратами? Юный Ино так и не выяснил, как ни старался. Поэтому первые его действия были предельно простыми. Очень простыми. До глупости простыми.

Он заявился в «Зеленую рыбину» – портовый трактир на самом отшибе города, где уже не было ни жилых домов, ни верфей, ни даже барачных. Трактир ютился в низкой пробковой постройке меж двумя скалами и имел свою узкую, разваливавшуюся на глазах лодочную пристань. Пиратские корабли там не швартовались: слишком мало места, да и недостаточно далеко от посторонних глаз. Обычно их прятали за мысом, и моряки приплывали на шлюпках – промочить горло и обговорить очередную сделку, вылазку или военный план.

Об этом заведении Ино услышал от одного из старых полководцев отца, с которым был больше всего дружен, – от седого и рассеянного адмирала Ноллака. Тот отличался благодушием и болтливостью, в охотах на Соколов участвовал неохотно и, как иногда казалось принцу, даже в чем-то разделял его восхищение разбойничьей братией. По крайней мере, говорил о пиратах с удовольствием и без какого-либо опасения плохо повлиять на наследника престола.

– Они разные... иные перережут тебе глотку за один неучтивый взгляд, но иные будут считать верным другом до последнего сна, если докажешь, что не трус. Ну а если водятся деньги, – и того лучше.

Эти слова Ино запомнил. Вряд ли ему – мальчишке – представился бы сейчас шанс доказать храбрость. А вот с деньгами было проще: сбегая, он забрал все, что выдавалось ему на расходы и что он не потратил, и еще несколько дорогих предметов, которых, он знал, не хватятся. Их можно было продать и обменять, чтобы нанять небольшую команду, судно, и...

...И, конечно же, все это у него отняли в первые десять швэ, проведенных в «Зеленой рыбине». На одиннадцатой он получил в зубы, на двенадцатой его зажали в угол несколько огромных головорезов самого низкого толка, из Крыс. Трудно сказать, приняли ли его с первого взгляда за ищейку из королевской стражи или же просто за скучающего сынка какого-нибудь богатея, но «вести с ним деловой разговор», как он сразу предложил прерывающимся голосом, никто не стал.

– Ты смазливый... – обдав принца густым смрадом дешевой выпивки, прохрипел один из тех, кто стоял почти вплотную, – отлично сгодишься в Заморье, там таких берут в гаремы.

– А может, попытаем, чей он, и затребуем выкуп? – предложил его приятель, чуть поменьше в росте и в объёме.

– Продавать людей выходит дороже, чем возвращать родственникам, Сэпто... а еще это хороший урок. Говорят, заморские сагибы умеют учить... разным полезным вещам.

Произнося это, верзила сделал характерный жест возле губ и оттопырил щеку языком, и все довольно загоготали. Ино, тоже прекрасно знавший смысл этого движения соединенных пальцев, в ярости бросился вперед. Он успел даже выхватить кинжал, но не успел никого ранить; впоследствии он возблагодарил за это Моуд, рыжую богиню судьбы. Потому что иначе вряд ли пираты позволили бы случиться тому, что случилось дальше. А дальше...

– Достаточно, Зубарь, уберите лапы. Мальчик все вполне понял и вряд ли еще сунется. Да и вообще... не понимаю, почему его держат сразу трое. Вы чего-нибудь боитесь, друзья мои?

Ино действительно держали три пирата: двое заломили руки, один намотал на кулак длинные волосы и оттягивал их назад. При звуках спокойного, глубокого голоса толпа резко смолкла и чуть расступилась, тогда зазвучали неторопливые чеканные шаги. Вскоре юный принц уже разглядывал того, кто, видимо, все время был здесь, но почему-то раньше не вмешивался в происходящее.

Трудно сказать, сколько Приливов *он* увидел: волосы были серого цвета, то ли седые, то ли просто светлые и потускневшие от подцепленной в каком-нибудь порту болезни. Черты лица казались грубыми, но кое-что выбивалось из подобного впечатления – прямой, с четко очерченными широкими крыльями, не нависающий над тонкими губами нос. Такую его форму Ино раньше встречал только у военных самых древних родов. «Корабельные», как почему-то называл эти носы придворный художник. И нос этот рассекался багровым шрамом.

– Разве что он грохнется в обморок? – предположил кто-то и опять загоготал.

– Не думаю, – последовал ровный ответ незнакомца.

Мужчина не смеялся, даже не улыбнулся. Глаза под густыми дугами бровей были белесыми, с почти незаметными зрачками. Радужки тоже едва просматривались, определить цвет у Ино не получилось, но судя по тому, что они двигались, незнакомец прекрасно видел.

Почувствовав, что его не держат, и выпрямившись, Ино понял, что не достает мужчине даже до середины груди – ростом пират превосходил всех вокруг, сложение было могучее, почти как у уличных силачей. Пожалуй, не стоило удивляться, что спорят с ним вяло, неохотно, с видимой опаской. Принц вытер с губ кровь, задрал голову и посмотрел в обветренное лицо, собиравшийся что-то сказать, но не успел.

– Зачем ты лезешь, Багэрон Тайрэ? – Пират по имени Сэпто выразительно плюнул на пол. – Это явно не то, что тебе сгодится в твоих *обстоятельствах*. Когда тебя заинтересовали щенятки?

Слова снова встретили ободряющим гоготанием. Ино в бешенстве обернулся и сделал шаг, но его тут же оттолкнули обратно пять или шесть пар рук. Не удержав равновесия, он уткнулся в светлую, удивительно чистую для такого засаленного и просоленного места рубашку незнакомца. Смех стал громче, но тяжелая, как мачта небольшого парусника, рука уже предупреждающе сжала плечо, помогая выпрямиться и удерживая одновременно.

– Может, я вижу что-то *большее*. Может, мне скучно и я решил развлечься. Может, у меня приступ старческого слабоумия. Какое тебе дело, Сэп-Секира?

Ино заметил, что у седого мужчины – как и у большей части здешних обитателей – кривые сабли-церры в ножнах по обе стороны пояса. Он даже не прикоснулся к золоченым рукояткам, и, несмотря на это, его жадно, с любопытством и без возражений слушали. Да, определенно, его знали здесь хорошо, настолько, что любое слово гасило весь боевой запал и отрезвляло.

– Так ты что, его забираешь? – Тот, кого называли Зубарем, прищурился и огладил бороду, вытряхнув из нее пару креветочных очисток. – Полагаешь, мы так просто отдадим столь славную добычу?

Сжатые губы незнакомца впервые тронула легкая улыбка.

– Именно так я и полагаю. Я не прав? – Теперь одна ладонь все же коснулась оружия, вторая так и осталась на плече принца. – И более того, парни... когда-нибудь вы поймете, от *каких* проблем я вас сейчас избавляю. Но если хотите, мы можем немного поспорить. Пусть те из вас, кому команда «Лассары» хоть раз не спасала задницу, выступят вперед.

Но на этих словах вперед не выступил никто, и даже те, кто стоял ближе, сделали по большому шагу назад. Пират усмехнулся.

– Славно. Приятного вечера, господа. Идем, ты, недоразумение. – С этими словами мужчина повернулся спиной и потащил Ино за собой.

Только втянув немного свежего воздуха, пахнущего морем и водорослями, принц сумел выдохнуть с облегчением. Правда, его шатало, как пьяного, а голова все еще гудела от встречи с парой чужих кулаков.

– Никто даже не бросил мне между лопаток нож... скучный вечер. Нос-то вытри.

Пират произнес это, полуобернувшись, кинул косой взгляд на грязные окна трактира, залитые желтым светом, и опять посмотрел на принца, в замешательстве стоявшего рядом.

– Ну все. Проваливай. Тебе давно пора спать в своей пуховой постельке, юный Сокол.

Ино почувствовал, как тан сковало холодом. *Прозвание* наследников королевского рода до коронации или вступления в брак не доверялось почти никому; даже большей части советников, даже кормилице оно обычно было не известно. А тем более...

– Не задавайся этими вопросами. – Мысли с пугающей легкостью прочитали. – Скажи спасибо, что тебя больше никто не узнал по лицу. Ты вылитый отец. До замка-то хоть дойдешь?

Принц проклинал себя за то, что язык будто прилип к горлу – от удивления, страха, стыда и усталости сразу. Нужно было немедленно заговорить, но не получалось. И он, чувствуя себя очень глупо, замотал головой.

– Что? – Пират участливо наклонился к нему. – Не дойдешь? У тебя штаны-то хоть сухие? Не думаю, что ты часто видишь пиратов так близко и что они часто порываются сделать тебя сагибской шлюхой.

Слова действовали правильно: Ино очнулся. Выпрямив спину, сжав кулаки, он исподлобья взглянул на мужчину. Тот ждал – кажется, не без сдержанного интереса. Окончательно собравшись, принц процедил сквозь зубы:

– Я их видел достаточно, как правило – мёртвыми. И я никуда не пойду.

Мужчина вскинул кустистые брови. Странно, но лицо от этого стало вроде бы более безобидным, даже почти дружелюбным.

– Про первое я догадывался, зная ваши нравы. Второе... шутка, да? Хватит, погулял и будет. Ты не такой ребенок, чтобы...

– Я не вернусь к королю Таллу, – отчетливо повторил Ино. – Только если на виселицу. Став пиратом. Я хочу этого, и... у меня нет другого пути. Больше нет.

Он впервые назвал отца отстраненно, не отцом, и впервые вслух озвучил свое желание. Даже замолчав, Ино не опустил головы, хотя белесые глаза – глаза слепого, который видит лучше хищной птицы, – нещадно сверлили. Больше всего Ино молил Светлых, Темных и Переменных богов о том, чтобы выдержать пристальный и одновременно пустой взгляд своего спасителя. Он готовился и к уговорам, и к тому, что его закинут на плечо и поволокут в город силой. До Альра-Гана можно было и не ходить, стража наверняка уже рыскала всюду, особенно на окраинах. Ино напрягся. Он собирался сражаться за свою свободу и с этим пиратом тоже, только вот в трактире оставил даже кинжал. И поэтому просто сжимал теперь кулаки крепче и крепче. Но неожиданно...

– Что ж. Твое дело.

Мужчина развернулся и пошел прочь, шагая неторопливо, но так же четко, как шагал по гнилым доскам «Зеленой рыбины».

– Пока.

Ино не сомневался, что это не более чем трюк, но пират так и не обернулся, когда пристань кончилась. Дальше темнел проход между несколькими просоленными утесами: разрезал мыс и уводил на тайную тропу к бухте. Еще немного – и высокая фигура вообще скрылась с глаз, стало совсем тихо. Тогда Ино пришел в себя и помчался следом так быстро, как только мог. Доски ворчливо загрохотали под каблуками сапог. Принц, спотыкаясь, преодолел пристань и наконец отчаянно завопил:

– Возьмите меня к себе на корабль!

Он выдохнул это, уже навалившись на самую косую из прикрывавших проход скал. На пирата он смотрел сверху вниз, но тот, обернувшийся навстречу, и теперь казался огромным.

– Что ты сказал?

С усилием вспомнив единожды произнесенное в трактире имя, Ино прижал руку к груди.

– Маар Тайрэ... я умоляю.

Вряд ли уважительное обращение «господин» подействовало. Снова бесцветный взгляд заморозил все нутро. Пират поджал губы.

– А что ты будешь делать, если я откажусь, малыш?

Ино принял даже это унижительное прозвище, хотя оно и заставило вспыхнуть до корней волос. Упрямо сделав еще шаг, начиная спускаться по крутым ступеням, выбитым прямо в ноздреватом известняке, он ответил:

– Стану просить каждого из тех, кто хотел меня продать. Вряд ли будет хуже. Я же сказал: мне некуда возвращаться. Остается только идти вперед.

Пират молчал, кажется, с четверть швэ, а может, и больше. Наконец, видимо, что-то крепко обдумав, он произнес:

– Что ж. Если так, жди меня здесь.

Принц Ино не успел сказать ни слова благодарности, вообще не понял, что только что услышал *согласие*. Пират отодвинул его с дороги – легко, как какой-нибудь предмет мебели, – и поднялся обратно на пристань. Ино понял, что он зачем-то возвращается в трактир, и хотел пойти следом, но мужчина, не оборачиваясь, сделал запрещающий жест. Принц прижался к скале спиной и крепко зажмурился. Именно сейчас ему стало страшно до озноба, до онемевшей тан и дрожи в коленях.

Он не знал, сколько ждал в сырой соленой тишине. Из трактира не доносилось ни звука, понять, что там происходит, было трудно. Что понадобилось Багэрун Тайрэ и почему...

Наконец массивная фигура вновь показалась в дверях и зашагала по доскам. Принц подался вперед, беспокойно вытягивая шею. Пират поравнялся с ним и, вытянув руки, бросил что-то на плоский кусок скалы.

– Здесь всё, что ты взял с собой?

Кинжал, четыре перстня, две булавки, табакерка, сборник молитв в переплете с самоцветами и три металлических пера с гербом – королевской розой. Ино поднял глаза и кивнул.

– Но зачем? Я бы обошелся без этих вещей.

Багэрон Тайрэ усмехнулся углом рта – беззлобно, но все же с явным неудовольствием. Объяснение оказалось очевидным:

– Сбегая, никогда не оставляй следов. Особенно если ты принц.

На следующий день, пока пират заканчивал какие-то дела в городе, Ино, кутаясь в темный плащ, ходил по притихшим, взволнованным его пропажей улицам. Он срывал со стен собственные портреты, глядевшие испуганными синими глазами. Так он прощался – с собой и с теми, кто мог о нем сожалеть. А когда Лува, прекрасная богиня света, прошла половину

своей лестницы и украла у людей тени, пиратская баркентина «Ласарра» («Искра» с древнего *Языка Общего Берега*) покинула бухту. Этот корабль со стороны казался странным хотя бы потому, что команду составляли всего двое – мужчина, тогда еще не носивший прозвища *Железный*, и мальчик без прозвища вообще. Они держали курс к Тюремным островам, на архипелаг Пирокко.

Так все началось. И продолжалось, пока спустя десять Кругов на одном из захваченных кораблей альраилльской эскадры капитан Дуан Тайрэ, носивший некогда имя принца Ино, не нашел некое *прискорбное письмо*.

И тогда он повернул назад.

...Теперь, идя в сопровождении молчащей Стражи Гробниц, держа спину очень прямо и не глядя вокруг, он задавался только одним вопросом: не совершил ли ошибку. Тень замка – бело-серой глыбы, неприветливо нависающей над заливом, – приближалась, сверкали огни в старинных окнах. Замок напоминал коралловый риф со всеми своими башенками, надстройками, флигелями и галереями. Но ни один коралловый риф ведь не может стать твоей тюрьмой, верно? Только могилой.

У ворот начальник караула затрубил в рог; мгновение – и створки начали отворяться, зазвучали голоса часовых:

– Кто идет с тобой, Сомберт?

– Кого вы привели?

Дуан зажмурился, не желая видеть даже некогда любимый сад со всеми его расходящимися тропками, и шагнул вперед. Королевская роза все еще жгла ладонь, привычно сжатую в кулак.

3. Ее высочество говорит «нет»

– Значит, открыв глаза, вы поняли, что находитесь в Древнейшем Чертоге среди гробниц Бодрствующих Предков и что вы прикованы соляными цепями? О принц Ино, какой ужас!

Дуан закивал с самым скорбным видом, на какой был способен. Несколько дам-советников из Левого крыла прикрыли ладошками накрашенные яркие рты; мужчины из Правого держались более настороженно и невозмутимо, но многих, судя по побледневшим лицам, тоже проняло от жуткого рассказа. Ведь никто не спускался в Древнейший Чертог – самую глубокую, смрадную, темную из Сонных пещер Ора’Иллы – без особой необходимости. Бодрствующие Предки не любили, когда нарушали их уединение.

Поэтому история, которую Дуан придумал, действительно произвела впечатление. Исчезновение из собственной комнаты, околдованный сон на протяжении десяти Кругов, таинственные цепи на руках. Внезапное пробуждение – рядом с телами пращуров – и полное непонимание происходящего. Дуан настолько старательно создавал эту ложь, настолько вдумчиво украшал ее множеством деталей, настолько увлекся, что поверил сам себе и говорил живо, стройно и пугающе. То и дело в Зале Советов кто-то причитал или даже всхлипывал. Чем трагичнее и зрелищнее сказка, тем больше в ней видят правды; Дуан знал, что завтра его объявят героем и мучеником разом, несчастной жертвой – и победителем. С одной стороны, это радовало, с другой расслабляться было рано, не мешало бы сгустить. Для этого имелся еще один эффектный с его точки зрения козырь. Осторожно, будто робея, он сказал:

– Я хочу кое-что вам показать, но я прошу не пугаться. Это... не очень приятно.

Когда все затаили дыхание, он принялся расстегивать манжеты рубашки – намеренно медленно – и так же медленно объяснял:

– Кое-что в те страшные швэ не давало мне ясно думать, это была боль. Я провел в заточении столь долго, что не только вырос из одежды, но и оковы, конечно, стали тесны моим рукам. Смотрите.

Он встал с места во главе стола и пошел вдоль левой его стороны, демонстрируя два уродливых синюшных рубца, окаймлявших запястья наподобие широких браслетов. Дамы жалостливо качали головами и отворачивались, мужчины, сидевшие напротив, хмурились.

– Немыслимо!

– Ужасно!

– Как жестоки боги!

– Это происки Тёмных!

– За великие дела вашего отца!

На самом деле увечья Дуан получил давно, сидя в тюрьме за недолгий, затеянный от скуки блуд с наложницей мелкого сагиба. Впоследствии тюрьму благополучно подорвала команда «Ласарры», но следы особых заморских кандалов – обманчиво легких обручей, изнутри утыканных тысячами впивающихся в кожу игл, – остались Дуану на память, как предостережение.

– Можешь сколь угодно играть собой, но не играй с чужими сердцами. Потому что однажды некому будет разбить твои цепи. Да и вообще, разве та девица красивее меня?

Дарина, сказавшая это, всегда его понимала. Может, потому что многие женщины нуц обладали даром ясновидения, а может, потому что обнаженным женщинам – а женщины этого народа ходили только обнаженными – легче было пробраться в мужские головы. Почти во все, кроме, наверное, головы Железного. Впрочем, туда не мог пробраться вообще никто.

– Действительно страшно. Они еще болят, дорогой внук?

Идя по Залу Советов, принц не заметил, как приблизился к высокому трону у противоположного конца стола. Здесь на алых подушках сидело маленькое, сухоощавое, закутанное в

меха существо с шапкой седых волос. Теперь это существо впервые подало свой скрипучий, но густой и сильный голос.

Королева-бабушка обычно не выходила из личной башни, где жила с парой ее возраста музыкантов, дюжиной камеристок и дюжиной же королевских кошек. Но она неизменно появлялась на советах и принимала в них самое живое участие. Дуан помнил, что так было в его юности, видимо, так осталось и теперь. Бабушка не изменилась. Церемонно поклонившись ей, принц произнес:

– Немного. Ничто в сравнении с радостью, которую я испытываю, видя вас.

Глаза – синие, как у отца и у него самого, ни капли не выцветшие, – скользнули по сложенным рукам Дуана. Вопрос прозвучал тихо:

– А из наших ли карьеров была соль с твоих цепей?

Дуан внутренне вздрогнул, но остался спокойным и лишь слегка пожал плечами.

– Мне жаль, но я не знаю. Пути богов неисповедимы.

Морщинистые губы дрогнули и растянулись в жеманную улыбку.

– Боюсь, что я знаю. Но... – она величественно повела рукой, давая позволение отойти, – это подождет. Продолжи свой рассказ.

Дальше Дуан описал, как, еле живой от страха, бил раз за разом цепи о камень, пока те не распались. Упав, они вновь поползли к нему, и он отшвырнул их в расщелину, открывавшую еще более старую, затопленную пещеру. Он представлял это так живо, что невольно восхитился сам собой и дальше в красках поведал, как искал на стене секретный камень, чтобы выйти из Древнейшего Чертога, найдя, бежал по катакомбам, а потом...

Здесь Дуан остановился. Он переводил дух, но все, судя по напряженным лицам, поняли это короткое молчание иначе. «Бедный принц» переходил к самому тяжелому.

– Воздух в Новых Чертогах чище и приятнее того, что в Древнейшем. Целую швэ я просто стоял и вдыхал его, радуясь свободе, не веря в нее. Пока не увидел, что кое-что поменялось с дней, когда отец приводил меня сюда почтить память предков. Гробниц... стало больше на одну, и догадка шевельнулась в самой глубине моего рассудка. Я подошел. И...

Здесь Дуан понял, что действительно говорит с трудом, потому что он больше не врал. Медленно оглядев всех собравшихся, он закончил:

– Птица Кáмэш, богиня боли, схватила меня за горло когтистыми лапами. Мне казалось, она сейчас вырвет мне позвоночник, и тан с ним вместе. Отец смотрел на меня из-под слоя соли. Я видел, как он поседел, как поменялось от горя его лицо. И в ту швэ я уже знал, что умилиствовало богов и освободило меня. Его последний взгляд, а может, последняя молитва.

Закончив, Дуан умолк. Он видел, что бабушка и теперь прожигает его глазами, смотрели и остальные, но куда менее пытливо; кажется, они просто ждали чего-то еще. Кто-то тихо шептался, но многие уже улыбались с благоговейной жалостью. Добрый знак.

– Вы так бледны... – прошептала одна из советниц.

– Не тревожьтесь, – ласково отозвался принц. – Я уже оживаю от теплого приема, что вы мне оказали. Это не беда.

На самом деле беда была еще та: Дуану пришлось восемь дней кряду обмазывать себя водорослевыми отварами, сводящими смуглость. За прошедшие Приливы он здорово загорел под заморским пеклом. Да и довольно долгая голодовка, как ему казалось, не смогла превратить его в замученного узника пещер.

И все же...

Все же ему верили; большинство собравшихся – так точно верило. Может, потому что роза на ладони уже сама по себе была для них достаточным доказательством, без всяких бак: магии, поддельвающей ее, не существовало. Дуан ответил на все улыбки, на все заискивающие взгляды, прокашлялся и приступил к финальному витку своей запланированной речи:

– Я знаю, что королевство бедствует без отца. Я не сомневаюсь: именно из-за этих бедствий боги наконец помиловали и пробудили меня. Я стану тем, кем должен был стать, если конечно... – он оглядел всех вновь, – вы примете меня. Возможно, я проклят богами, но все, чего я хочу, – вернуться домой. Вы дадите мне шанс? Я прошу вас проголосовать.

– Прошу простить. А что же будет с вашей сестрой, любезный принц?

Советник, задавший этот вопрос, не был знаком Дуану; видимо, пришел сравнительно недавно. При звуке мягкого низкого голоса все вновь зашептались, и неудивительно: заговорил нуц. Единственный нуц в Правом, мужском, полусовете, впрочем, среди женщин чернолицых тоже не было. Тем более странно выглядело это существо в одежде белого народа – камизе, перепоясанной плетёным ремнем, сюрко и расшитых серебристым узором штанах. Черные прямые волосы советник не собрал и не заплел, но завел за острые удлиненные уши. Золотые глаза ровно горели и хранили вдумчивое, живое выражение.

– Как ваше имя, та'аш?² – уважительно и приветливо спросил принц.

– Кевáрро, маар. Я задаю вопрос лишь потому, что в королевстве всё ещё гремят бунты, как вам наверняка известно. Большая часть их развязана сторонниками передачи трона принцессе и противниками этого решения.

Дуан кивнул. Он думал о сестре слишком много и главную мысль озвучивать пока не собирался.

– Я хочу верить, – он в упор посмотрел на чернолицего, – что с моим появлением бунты улягутся. Может, я многого не знаю и во многом глупее всех здесь сидящих, но отец с детства научил меня: бунты рождаются из голода и страха. Вы не голодали, судя по нынешнему положению дел, но вам определённо было страшно потерять короля. Я знаю. Потому что мне тоже. Розинда, чья жизнь омрачилась моим исчезновением, не должна теперь нести никакого бремени, кроме самых приятных. О ее судьбе я поговорю с ней сам. Если она захочет править...

Обрывая его, по залу разнесся необыкновенно чистый и звонкий голос:

– Я не хочу, брат. Слышишь? Не хочу.

Принцесса Розинда, как оказалось, все это время сидела на подоконнике за массивной, задернутой из-за яркого света gobеленовой гардиной. Сейчас, видимо, заскучав, а может, просто уловив, что ее имя стали повторять слишком часто, она легко спрыгнула с довольно большой высоты и, постукивая шнурованными золочеными ботильончиками, пошла Дуану навстречу. Шесть или семь радужных юбок – коротких спереди и длинных сзади – шуршали при каждом шаге. Высокая прическа угрожающе покачивалась над макушкой.

Улыбаясь, Дуан простер к ней руки.

– Моя любимая Роз...

Тоненькая ладошка отвесила ему затрещину; в ушах зазвенело. Низкорослой принцессе пришлось бить в прыжке, отчего получилось еще болезненнее. Смерив брата взглядом глаз – тоже синих – Розинда сказала:

– Это тебе за то, что бросил меня так надолго.

– Но я...

– А теперь дай я тебя обниму, бедный мой.

С этими словами сестра крепко обхватила его поперек пояса. Отстраняясь, она оставила на рубашке след своей малиновой губной краски. Дуан обернулся за призывом к приличиям – к единственному существу, от которого мог этот призыв услышать. Но королева-бабушка молчала. Она лишь внимательно наблюдала за внуками, а поняв, что на нее просительно смотрят, проворно перевела взгляд на украшенный лепниной потолок. Дуан вздохнул и начал сам:

– Боги... Розинда, что ты себе...

² Та'аш – уважительное обращение знатной особы к менее знатной, но тоже родовитой.

– Голосуйте за него, быстро. – Сестра отвернулась и прицелилась в кого-то из советников согнутым пальцем. – Пам! И брысь-брысь.

– Мне тоже брысь, дитя мое? – мягко уточнила со своего места бабушка.

– Ты можешь неторопливо и с достоинством удалиться.

Произнеся всё это, принцесса отошла от брата и гордо уселась прямо на край стола, ближе к левой половине. Члены женского полусвета подвинулись. Дуан, чувствуя себя очень-очень глупо, обвел их взглядом.

Никто – ни они, ни мужчины с противоположной стороны – не шептался, не смеялся, даже не выражал удивления молча, мимикой. Страшная догадка, что Розинда ведет себя так *всегда*, заставила Дуана подавиться воздухом. Откашлявшись, он возвысил голос и предложил:

– Советники, вы вправе выйти и посоветаться. У вас пять швэ. А я пока побеседую с моей милой сестрой. Ведь, в конце концов, я вижу ее впервые за долгое время.

– Правильно, дорогие внуки. Поворкуйте. А мне пора принять ножную ванну с головастиками, их как раз должны бы наловить.

Произнеся это, королева первой принялась слезать со своего места. Две камеристки, стоявшие по бокам чинно, как пажи, помогли ей. Как Дуан отметил в целом, помещение начали освобождать более чем проворно: все явно чувствовали себя здесь не на своем блюде. Бабушка, уходя, обернулась несколько раз, и ее взгляд насторожил принца. Но думать об этом было некогда. Розинда закинула ногу на ногу и произнесла:

– Я тебя слушаю. Где тебя носило все это время, любезный Ино?

Дуан сделал успокаивающий вдох. В конце концов, он знал, на что идет. Знал, что отвык и от двора, пестрящего безвкусными нарядами, и от ласковых обращений «милый/светлый/добрый принц», и даже от собственного настоящего имени. Но кое-что он ожидал встретить прежним, а нашел, кажется, совсем неузнаваемым. И это была сестра.

Розинда увидела всего семь Приливов, когда он сбежал. Ее воспитывали как нежный и хрупкий бутончик розы: среди сказок и садов, именно так и выращивают будущих невест, от которых ничего, кроме брака, особенно не ждут. Платьев у нее имелось около пятисот, кукол – двести. А еще кормилица, личный шут и пять камеристок. Все они призваны были заменить мать, которую Ино помнил как еще один вечно грустный, но очень красивый цветок. Именно как *цветок* под стеклянным колпаком, цветок, который нельзя слишком часто трогать, слишком крепко обнимать, пугать, подсакивая сзади и закрывая ладонями глаза.

Говорили, королева склонна к недугам с детства, говорили: «порченная кровь». Короля это злило, но ни разу он не подумал о том, чтобы сменить жену, как делали многие другие. Она восхищала его – возможно, именно нежной хрупкостью. И все, абсолютно все в землях Альра'Иллы считали, что лишь за терпение и милосердие Светлые боги вознаградили Талла и Марисинту двумя совершенно здоровыми, чудесными детьми. Пусть рождение дочери и увело королеву в *последний сон*, но так пожелала Моуд.

Розинда обладала кротким нравом, почти не плакала даже совсем малышкой. В последний Круг в замке Дуан – еще Ино – обожал сестру и больше всего вспоминал в первых странствиях именно ее, ласковую и скромную. Теперь «ласковая и скромная» распускала руки и даже не надела чулок. Тем не менее, не делая пока замечаний, Дуан мягко напомнил:

– Я все рассказал. И, думаю, тебе тоже можно это увидеть.

Он показал изувеченные руки. Синие глаза сестры чуть сузились, совсем как у бабушки. Но, прикусив нижнюю губу и подумав, Розинда все же кивнула.

– Уговорил. Что будешь делать, если они тебя примут? А они, скорее всего, тебя примут, потому что я почти слышу, как трясутся их поджилки.

– Буду править какое-то время. Пока все не успокоится.

– *Какое-то время?* – Розинда подняла брови. – А потом?

«А потом сбегу домой и забуду об этом месте, как о кошмарном сне». Он не произнес этого вслух, но сестра странным образом насторожилась.

– Ино? Я повторяю. Что. Ты. Собираешься. Делать с королевством?

Дуан решился и особенно прямо посмотрел Розинде в лицо.

– А ты думаешь, из меня выйдет хороший правитель? Я потерял связь с этими местами, я выпал из жизни. Я попытаюсь восстановить ее, ведь не просто так меня пробудили. Но ты ведь понимаешь, *что* такое проспать десять Кругов в темной пещере?

Розинда удовлетворенно закивала, но не в ответ на вопрос, а будто бы самой себе и своим догадкам. Помолчав, она склонила голову к плечу.

– Сочувствую. Но у тебя просто нет выбора, братец. Или ты его видишь? – Прежде чем Дуан открыл рот, она предупреждающе подняла ладонь. – А впрочем, мне плевать. Твой выбор – точно не я.

Дуан резко сделал шаг навстречу. Розинда сидела все так же прямо, болтая левой ногой, стуча пяткой о резную ножку стола.

– Что ты имеешь в виду?

– А то. Если вдруг ты решил, что тебе удастся надавить на людей, посадить на трон меня и жить в свое удовольствие, то *нет*. Пусть тебя не было десять Приливов, но тебя с детства растили королём, а меня – чьей-то вещью. – Тоненькие пальцы нервно пробежались по кружевному воротнику платья. – Чувствуешь разницу? Те, кто поднимал бунты с требованием дать мне трон, действовали *не от моего имени*, Ино. Они как раз прекрасно понимали: я – вещь. Стул, который можно двигать, а вследствие легкого веса – даже переносить. И они *хотели* двигать.

– Но ты не вещь, Розинда, – мягко возразил Дуан. – И я уверен, отец...

– Помолчи. И послушай.

Она даже не дала ему закончить; углы рта растянулись в неприятную, незнакомую ухмылку. Розинда прыгнула со стола и начала прохаживаться вокруг Дуана. Периодически он поворачивался, чтобы на нее посмотреть; ему казалось, сестра подбирает слова, и он не торопил. Наконец она снова заговорила:

– Прошло четыре Полукруга, когда отец смирился, Ино, и перестал тебя искать. Он понимал, что уже не успеет вырастить преемника, даже если женится еще раз, да и вдруг пойдут девочки? Он решил использовать то, что есть, – меня, власть ведь можно передавать и дочерям. Моих милых камеристок на прогулках все чаще отныне сменяли дамы из Левого полусвета, а моими обычными собеседниками стали мужчины из Правого. Я, всю жизнь говорившая только о платьях, музыке и бабочках, стала рассуждать о политике и науках. Я, Ино, понимаешь? Ты даже представить себе не можешь, как тяжело, например, увидев целых двенадцать Приливов, впервые вгонять в голову математику, когда до этого тебя даже не учили считать больше, чем до ста! Но мне многое удавалось, потому что я старалась. Это было в новинку, и это было нужно отцу, я жалела его. А потом...

Она запнулась, и, догадавшись, Дуан спросил:

– Он потащил тебя на казнь?

Сестра кивнула.

– Розинда...

– Он сказал, я должна это знать. – Остановившись рядом, она пожала узкими плечами. – И я *узнала*. Правда, – она мрачно усмехнулась, – ему удалось проделать это всего раз. Больше не пытался.

– Как ты этого добилась? – удивился Дуан. – Меня он...

– Брал на каждую. Знаю. – Розинда взялась за длинную кисточку на своем поясе и принялась вертеть. – Но поскольку я попыталась выброситься в окно в день, когда увидела первое повешение, ему пришлось передумать.

Дуану стало еще сквернее. Ловя бледную руку сестры своей, он спросил тише:

– Ты пыталась...

Но Розинда вырвалась и неприлично, заливисто рассмеялась.

– Я не такая дурочка. Это было в первый день *Сэлты*³ *Большого Отлива*, я просто хотела отправиться с городскими девушками прыгать через костры. Ну, те, которые разводят на том участке моря, откуда уходит вода. Я решила вылезти в окно, я часто так делала раньше. Одна из моих дам увидела и завизжала, что я хочу *уйти в сон*. И я, быстро сообразив, что к чему, стала изображать, что делаю именно это. Заламывать руки, визжать, слезу пустила. Отцу пришлось признать: казни – не лучший досуг для девушки.

Дуан невольно рассмеялся такой хитрости, но Розинда больше даже не улыбнулась. Глянув исподлобья, она отчетливо произнесла:

– С того дня я стала все делать ему назло, Ино. Он уже не удивлялся моим выходкам, и остальные тоже перестали. Я не видела в этом ничего плохого: он вспомнил о том, что я существую, слишком поздно, и мне очень захотелось, чтобы он за это поплатился. Может, я и вещь, но не самая безропотная. И теперь, когда есть ты, – оглядев стол, она подтянула к себе графин с водой и отпила прямо из него, – я предоставлена самой себе и могу делать...

– Нет.

Настал его черед перебить. Розинда недоуменно вскинула тонкие брови:

– Что – нет?

Дуан сделал особенно глубокий вдох, как перед погружением на дно моря, и отчетливо произнес:

– Первое, что я сделаю, если меня признают законным наследником, – выдам тебя замуж за хорошего человека. Потому что... – Увидев, что синие глаза уже мечут молнии, он так же твердо солгал: – Я не знаю, в какой момент снова могу исчезнуть, если так пожелают боги. Откуда мне знать, что на мне не лежит проклятие? Я хочу знать, что ты в безопасности, а твой муж в случае чего сможет взять дела в королевстве и защитить его.

Закончив эту речь, он проворно подхватил выпущенный из рук графин и отпрыгнул с ним вместе в сторону. Глаза Розинды округлились, кулаки крепко сжались.

– Что ты сказал?

Дуан терпеливо повторил:

– Я начинаю искать тебе мужа. Для твоего же блага. В ближайшее время.

От нового удара сестринской ладошки он заслонился графином, не удержал его и выпустил. Осколки зазвенели под ногами и почти тут же захрустели у Розинды под подошвами.

– Я. Не пойду. Замуж за кого попало. – Она даже подпрыгнула.

– Не пойдешь. – Стараясь сохранить спокойствие, Дуан приподнял руки перед грудью. – Да выслушай же меня!

Сестра все надвигалась, а он отступал, боковым зрением отмечая, что стена уже близко. Нужно было идти на уговоры. Изворачиваться, выдумывать, молоть языком и торговаться. Но даже обычно, когда команде «Ласарры» предстояли переговоры, на них отправлялась Дарина как самое голое и красивое создание, Багэрон Тайрэ как самое красноречивое, и Тэри, бывший жрец Книжной богини Дио'Дио с Силльских гор, – как самое умное. Дуана на переговоры не брали, даже когда он стал капитаном. *Быстро* импровизировать он не умел, все его речи должны были быть заранее продуманы, как, например, рассказанная Совету история о Древнейшем Чертоге. Но сейчас особого выбора не было. И Дуан, стараясь не запинаться, заговорил:

³ На языке Альра'Иллы сэлты – неделя. Состоит из 9 дней.

– Мы просто попробуем. Ты увидела почти семнадцать Приливов и все еще одна. Это поздний срок по меркам Морского Края, многие принцессы выбирают женихов в двенадцать. Если бы не вернулся я, об этом задумался бы Совет. Сама понимаешь.

– Я... нет, я против!

Мысленно хватая сестру за горло и тряся, Дуан все же нашел еще одно оправдание.

– Розинда, мне все равно нужно познакомиться с лучшими умами нашего королевства и с принцами и правителями соседних тоже. Я упустил много, я... как бы сказать, одичал. Почему бы тебе не сопровождать меня во время балов? Ты же любишь балы наверняка! Я не стану тебя заставлять. Торопить. Навязывать кого-то. – Глянув в сердитое лицо, Дуан слабо улыбнулся. – Правда, не буду. Я не отец, Розинда. Я уважаю чужую свободу.

– Ох, Ино. – Сестра покачала головой. – Неужели ты не понимаешь, каково это?

– Малышка Ро. – Впервые он решился назвать ее детским прозвищем и шагнуть навстречу. – Я понимаю. Но я просто не хочу, чтобы в случае чего ты осталась одна и опять попала в беду.

– В случае *чего*, Ино? – вкрадчиво спросила Розинда.

– Я все тебе объяснил. Боги...

Из прически сестры выбились несколько прядей, и она принялась нервно их поправлять, так, будто наоборот хотела выдрать. Глаза были опущены, но, когда Розинда вскинула их, они сверкали.

– Не прикрывайся богами, Ино. Не надо. Я все меньше верю, что тебя проклял кто-то, кроме тебя самого.

– Но я... – опешил он.

Сестра махнула рукой, обрывая.

– Хорошо. Давай свои проклятые балы, заливайся пойлом, жри пирожные и таскай ко мне породистых жеребцов. Только смотри, чтобы не разбежались. Позору не оберешься.

Голос теперь звучал спокойно, а вот щеки пылали болезненным румянцем. Пнув осколок графина, Розинда отвернулась.

– Ладно, удачного дня, брат. Пойду почитаю. Или поплачу. Или поем.

С достоинством подобрав юбки, она направилась к выходу. Дуан смотрел вслед, ощущая себя все паршивее. Едва закрывшись, створки двери вновь распахнулись, и в Зал стали по одному-по двое возвращаться члены Совета. Принц подождал, пока они рассядутся, и громко спросил:

– Кто озвучит мне ваше решение?

С места поднялся советник Кеварро.

– Я. И я скажу лишь одно. Добро пожаловать домой, *принц* Ино. И да здравствует *король* Ино.

Все захлопали. Дамы расцвели благожелательными улыбками, мужчины поспешили навстречу – жать руки. Дуан смотрел на эту слепящую пестроту и думал только о море.

4. Средние величины

Он обнажен по пояс и неподвижен. Кожу – почти всю – покрывают длинные рубцы застарелых шрамов. Шрамы – первое, что видит Дуан, ворвавшись в нижайший каземат Лауронны – Каменного Города.

Шрамы Дуан замечал и раньше, но теперь, в полумраке, они почему-то кажутся четкими, уродливыми и... свежими. Росчерки, рытвины, грубые швы пройденных дорог. Могучие плечи опущены, спутавшиеся волосы торчат колтунами и слабо серебрятся в блеклом ночном свете, бросаемом Диадемой Лувы. Багэрон Тайрэ похож на древнюю статую из соли, вмурованную в душащий ее гранит. И Дуан уже чувствует, что что-то не так во всей позе, напряженной и безжизненной одновременно. Он подходит ближе. Шаг. Еще шаг. И...

Дуан открыл глаза с полным ощущением, что не отдыхал, а таскал бревна. Повторяющийся с юности сон снова навел его; может быть, виной всему стала слишком мягкая пуховая постель, может – обильный ужин накануне. Состояние, так или иначе, было премерзким. То, что сон оборвался, не успев дойти до *наихудшего*, не улучшало его.

Светлоликая Лува поднялась невысоко, на пять-шесть ступенек, и принц понимал: придется полежать еще хотя бы немного. Королевским особам не нужно вскакивать спозаранку, чтобы заступить на вахту, или поднять паруса, или просто успеть съесть хоть что-нибудь до того, как все слопают другие. Дуан перелег на спину, чувствуя, как перина проминается под весом тела, и посмотрел в потолок.

Было странно – вот так валяться в комнате, которую не видел десять Кругов. В кровати, в которой столько же не спал, в одежде, подобной которой столько не носил. И понимать, что ничей командный окрик не потребует немедленно встать и тем более не позовет в атаку. На корабле он поднимался, едва светлые волосы на макушке Лувы начинали маячить над краем воды. Так его приучил Железный, который сам почти никогда, даже после пирушек, не залеживался подолгу.

Дуан попробовал подумать, чем сейчас занимается Тайрэ. Возможно, они с Дариной уже берут кого-то на abordаж, возможно, добывают очередную карту, или уходят от погони, или торгуются со *следопытами*. Как бы там ни было, без него. И если Розинда будет упираться, как вчера, это затянется.

...У пирата Дуана Тайрэ, решившего вернуться на забытую родину, был очень простой план дальнейших действий, наполовину уже озвученный открыто. Он собирался скорее выдать сестру за хорошего, головастого человека, которому править Альра'Иллой будет в радость и которому можно будет доверять. А потом «обретенный» принц Ино благополучно исчезнет вновь, оставив последнюю волю: короновать Розинду и ее супруга. Конечно, безутешные подданные перероят все Соляные чертоги в поисках своего правителя и ничего не найдут, но в конце концов смилятся и даже возрадуются. Потому что если Дуан и научился за минувшие Круги чему-то, кроме как владеть оружием, – так это разбираться в людях. Он был уверен, что не посадит на трон проходимца, а если и посадит, что ж. Альра'Илле придется пережить парочку нападений пиратов, и ошибка будет исправлена. Нет головы – нет ошибки.

Увидев, какой стала милая кроткая сестра, Дуан все равно не усомнился; даже наоборот, его уверенность окрепла. Если Розинда и выросла цветком, то цветок был с шипами – правильной *королевской* породы. Оставалось только аккуратно поиграть на ее свободолюбии: устроить все так, чтобы подходящего жениха она выбрала сама и сама с присущей ей теперь бесперемонностью скакнула ему на руки. Это должна была быть стройная и достаточно быстрая комбинация действий, которой гордился бы сам...

Дуан раздраженно стукнул кулаком по спинке кровати, уткнулся носом в подушку и закрыл глаза. *Железный. Железный. Железный.* Они вместе уже столько времени, Дуан вырос на его глазах, Дуан стал капитаном: Тайрэ даже сам выбрал его, уходя *однажды*, но...

...Но по-прежнему, делая что угодно, Дуан задавал один и тот же вопрос. Как оценил бы поступок Багэрон Тайрэ. *Капитан. Железный.* От которого ему никогда не освободиться, даже если кого-то из них повесят.

Так было с самого начала.

Пятнадцатый Прилив. Время первого странствия

...Придя в бухту и впервые поднявшись на борт большого, едва различимого в темноте корабля, юный принц Ино удивился царившей там пустоте. Никто не спустился с мачт, не вышел из кают-компаний, не показался из трюмов. Было тихо, горело только два палубных фонаря. Становилось жутко.

– А где все?..

– Далеко, – глухо отозвался Тайрэ. – Тебе повезло, что они гниют далеко отсюда. Вряд ли приняли бы такую *особу*.

Принц отвел глаза.

– Я всему научусь, – твердо произнес он. – И буду делать, что вы скажете. Многие же начинают с юнги, мало кто с капитана, нет?

– И драить палубы тоже будешь?

– А у меня есть выбор?

Пират усмехнулся, качая головой: ответ ему явно понравился. Вместе с Ино он поднялся на широкий, седой от вьевшейся соли мостик. Принц с восхищением прикоснулся к одной из резных, будто чешуйчатых рукоятей штурвала и тут же отпрянул. Он боролся с желанием задать вопрос, удастся ли ему когда-нибудь постоять здесь – хоть немножко, хотя бы в штиль. Но он не осмелился.

– Где они... «гниют»? – спросил он после недолгого молчания.

– Кто? – Тайрэ явно думал о чем-то своем.

– Ваша команда.

Пират помрачнел и крепко сжал другую рукоять штурвала пальцами.

– На одном из рабских островов, в Гоцугане. Это ближе к Заморью, наверняка слышал. Скверное королевство, занимается тем, что торгует людьми всех расцветок и возрастов, продаёт всем, кто купит. Мне пришлось тогда оставить их, а ведь они всё сделали, чтобы спасти мою шкуру и не дать проклятым *гоцу* добраться до корабля. Запомни, мальчик... нигде ты не возьмешь пирата с такой легкостью, как на берегу. А мы вот попались.

Тайрэ зло усмехнулся. Поднявшийся порыв ветра еще больше растрепал его седые волосы.

– Большинство капитанов, когда случается подобное, сразу свистит новую команду. Да только это не я; я вытащу своих ребят. Или сдохну.

Это звучало потрясающе и отчаянно, отчаянно и потрясающе: именно так, как нужно. Принц снова неуверенно опустил ладонь на штурвал, не решаясь касаться грубой широкой руки или плеча пирата, и с запинкой пообещал:

– *Мы* вытащим, маар. Ну или... – он вздохнул, – сдохнем.

Ему привычнее было бы сказать «уснем», но большинство пиратов не пользовались этим словом, а говорили о смерти напрямую. Оглядев принца с ног до головы, Тайрэ неожиданно усмехнулся уже более добродушно.

– Не зови меня так. Зови на «ты» и по имени. Записать тебе его, чтобы выучил?

– Не надо, я запомнил, – спешно ответил принц и на всякий случай уточнил: – А вы...

– ...Пишу. И читаю. И даже знаю, на какую часть тела надеваются чулки, – хмыкнул Тайрэ. – А еще пользуюсь столовыми приборами.

– Простите... прости, Багэрон.

Тот пожал плечами и полез за курительной трубкой; Ино сконфуженно уставился себе под ноги.

Когда совсем стемнело, Тайрэ заглянул в отведенную принцу каюту и вручил тому запасной фонарь. Сидя на краю койки – одной из четырех, сейчас пустых, Ино наконец набрался храбрости спросить то, что его беспокоило:

– Скажите... скажи. То, что ты спас меня от... очень нехорошей вещи и взял сюда... как я могу за это расплатиться? Смогу ли когда-нибудь? Это важно.

Его явно не поняли: Тайрэ спешно поймал выпавшую из приоткрывшегося рта трубку. Ино, думая о том, насколько смешно и жалко выглядит, втянул голову в плечи, но упорно продолжил:

– Я не буду просто лишним и бесполезным, обещаю. Сделаю все, что вы... ты... мне велишь. Хотя... умру!

Ино сам испугался последнего обещания, но, конечно, предпочел бы умереть прямо сейчас, чем брать его назад. Вздыхнув, но ничего не уточняя и не переспрашивая, Тайрэ напомнил:

– Ты же уже обещал: будешь драить палубы. И таскать воду. И кормить животных, если опять заведем. Поверишь ли, я не претендую даже на твою долю, если ты доживешь до хоть какой-нибудь добычи, прежде чем мы потонем. Так что расслабься.

Ино неловко пробормотал что-то благодарное и невнятное. Тайрэ бросил ему на колени кусок какой-то грубой шкуры, которая оказалась теплым плащом, и сказал:

– Накройся. Что-то мне подсказывает, ты не переживешь даже сквозняк, не то что маленькую бурю. Доброй ночи и тебе, и здешним клопам, если они еще не передохли с голоду.

На следующий день «Ласарра» снялась с якоря и вышла из бухты. Как оказалось, здесь была заморская система – механическая многорукая машина подкидывала уголь в топку, а жар приводил в движение несколько крупных винтов, расположенных ниже уровня воды. Теперь Ино понял, как Тайрэ справляется с кораблем без команды: ему оставалось только ставить паруса при попутном ветре, если он хотел увеличить скорость.

Уже в первый вечер, засыпая, принц пообещал себе, что капитан не пожалеет о своем поступке, и действительно делал все, что ему велели.

Впрочем, Тайрэ давал мало грязной работы, даже палубы приходилось убирать лишь после бури. Чуть чаще – ставить и спускать паруса, потому что ветер дул капризный, переменчивый. *Кирнас*, Морской Путник, по легендам – дитя самой Лувы и бога удачи Вистаса. Любитель путать дороги и ломать мачты.

«Ласарра» шла спокойно, под флагом торгового корабля. Если кто-то появлялся на краю воды, она чуть меняла курс и скрывалась от чужих глаз. Тайрэ не хотел ни на кого нападать; он явно берёг силы, хотя судно с таким внушительным арсеналом могло взять практически любой средний корабль, даже не завязывая ближнего боя. Ино немного расстраивало бездействие, но выказывать нетерпение он перестал быстро. Потому что, едва слыша что-то подобное, Тайрэ загонял его на мачту поправить какой-нибудь канат или отсылал убираться в трюм.

Казалось, новая странная жизнь так и останется спокойной. Но впервые драться с капитаном плечом к плечу Ино пришлось раньше, чем, скорее всего, ожидали они оба.

...В захолустном порту Имэ-Гаронадо, месте встреч самых сомнительных обитателей Заморья, Гоцугана и Морского Края, Тайрэ предстояло «свидание с приятелем». Здесь нужно было уточнить координаты нужного острова: в архипелаг Пирокко их входило около трёх дюжин, а пленную команду держали на одном. «Прияатель» был из бывших королевских шпионов, перешедших в *Агонаду* – гильдию Вольных Следопытов. Принц с детства слышал самые разные проклятья в адрес этой таинственной гильдии: люди оттуда могли узнать практически

что угодно и о ком угодно. Свои сведения – и даже примерную карту с помеченными безопасными бухтами – получил в назначенном трактире и капитан «Ласарры».

Ино, которого Тайрэ взял с собой, старательно замотав в одежды заморских юношей и заставив нарисовать веки углем по местной моде, во все глаза смотрел на следопыта. Больше всего, помимо быстрой и совершенно непонятной речи, состоявшей из смеси двух или трех диалектов и жаргонов, принца поразило лицо. Смуглое, и это *все*, что удалось потом вспомнить. Даже мнение о цвете глаз Ино менял три раза. Черты не запоминались; выскальзывали из памяти, как живая рыба из рук. А ведь незнакомец просидел рядом не меньше пяти швэ.

Закончив и ссыпав в карман свою оплату, следопыт исчез: опорожнил кружку настоящей на жемчуге виски, буквально «стёк» со стула и слился с гомонившей вокруг толпой. Ино хотел проводить его взглядом, но больше не нашел. Тайрэ усмехнулся.

– Даже никаких талисманов и артефактов, никакой отводящей магии. Старая школа.

– А новая есть?

– Нет. И слава богам.

Они решили пообедать прямо здесь: в большом, шумном и многолюдном заведении подавали быстро и много, а еще не приглядывались к посетителям. Но Тайрэ не успел даже подзвать к себе кого-нибудь из obsługi, а только поднял руку. Тут же громкий голос с неприятным, будто режущим, знакомым Ино акцентом перекрыл все остальные:

– Любезные маары, кому-нибудь нужна *девочка*?

Тайрэ опустил руку и выругался сквозь зубы. На пороге трактира появился и быстро пробрался в самую середину зала крупный, одетый по-заморски мужчина с желтоватым лицом. На веревке за собой он волок голое существо, скалившее белые зубы и сверкавшее золотыми глазами. Девочка была чёрной, как уголёк. Ино безошибочно узнал в ней одну из народа нуц и застыл от ужаса, когда она уставилась на него в упор.

Мужчина повторил вопрос, вздергивая веревку повыше и притягивая девочку к себе. Она закашлялась, потом громко и картаво выругалась. И тогда наступила уже полная тишина, в которой отчетливо прозвучал только скрип отодвигаемого стула и чей-то чих.

Мужчины и женщины трёх пиратских гильдий, следопыты, воры, наемники и просто разномастные существа со всего света с любопытством разглядывали приведенную *дичь*. Никто не был удивлен, и Ино понял, что работороговец часто притаскивается сюда реализовывать остатки товара. Судя по бешеному нраву маленькой нуц, вряд ли на рынке нашлось много желающих купить ее в гарем или даже в прислугу. Ино она казалась красивой, но ему было известно, что все женщины этого народа красивы и примерно одинаковы. Правда, других женщин, а тем более девочек нуц он никогда не видел живую: в Альра'Илле этот народ появлялся редко.

Кто-то предложил три *нари* – две с четвертью сотни варров, среднюю цену на непородистого охотничьего пса. Торговец ответил презрительным плевком и, изловив девочку за плечи, продемонстрировал ее уже достаточно развитую грудь. Кто-то присвистнул. Девочка снова что-то выкрикнула. Ино покраснел и повыше, до самых глаз, надвинул на лицо полупрозрачный платок.

Все это время он, увлеченный происходящим, даже не вспоминал, что Багэрон Тайрэ сидит рядом. Теперь же, кинув на него взгляд, Ино увидел, что обветренное лицо непроницаемо спокойно. Казалось, капитан ждет чего-то, обратив в неизвестность пустой взгляд. Однако левая рука, иссеченная косыми шрамами, крепко сжалась в кулак.

– Может, мы... – начал шепотом принц.

Кулак стукнул по столу. «*Закрой пасть*», ясно без слов. Ино замолчал.

Работороговец пошел по залу, заговаривая со всеми, кто выказывал хоть немного заинтересованности в товаре. Выбирая, улыбаясь, то заискивая, то снисходительно повышая голос, когда начинался совсем смешной торг. Багэрон Тайрэ по-прежнему не двигался и – теперь точно – ждал. Ино вскоре понял чего.

– Любезный маар. – В их сторону пахнуло запахами сразу нескольких пряностей и верблюжьего пота. – Вижу, вы увлекаетесь гаремными юношами... не нужна ли вам еще девочка?

Маленькая нуц, кажется, устала: она уже не скалилась и лишь потерянно, затравленно взирала вокруг. Ино заглянул ей в лицо, и на этот раз она быстро отвела взгляд.

– Хм. Весьма соблазнительная мысль.

Тайрэ говорил медленно: цедя, растягивая слова, будто колеблясь. Торговец ждал. Наконец по тонким губам капитана скользнула слабая улыбка: он что-то решил.

– Я предложу вам за нее нечто более ценное, чем горстка золотых ракушек. Надеюсь, вы хорошо слышите?

– Как слепая донная рыба, – с достоинством кивнул мужчина. – И даже лучше.

Тайрэ слабо поманил его к себе, и работорговец наклонил голову. Отвлечшись, он чуть ослабил повод, на котором держал девочку. Тут же она перестала смотреть в пол.

Ино не уловил первого движения, не уловил броска. Он просто увидел, что нуц, уже прыгнув и впившись одной рукой в рубашку хозяина, а другой в его волосы, сомкнула острые белые зубы на открытом участке сальной шеи. Она прокусила не только кожу, но и артерию. А еще принц увидел – хотя не сразу поверил глазам, – что почти одновременно с этим Тайрэ всадил в грудь работорговца длинную, очень-очень тонкую спицу. Она не оставила заметного следа на ткани и тут же исчезла в рукаве капитана. Тело обмякло и сползло на пол; нуц уже не было рядом. Ино даже не заметил, как она сбежала. И это без всякой «старой школы» следопытов!

Странно, но тишина не вернулась в эти стены. Большая часть посетителей трактира давно возобновила разговоры, а кто-то теперь захохотал, бормоча что-то вроде: «Да, это такой народец!», «Вот же маленькая бестия!», «Не повезло бедолаге!». Тайрэ поднялся и бросил на стол монеты-ракушки за выпивку.

– Идем, Ино. Поедим в другом месте, тут смердит сильнее, чем на «Ласарре», когда там еще были свиньи и куры.

Ино послушно вскочил; он с трудом сдерживал желание спросить про *иглу*. Он был восхищен этим быстрым, небрежным и изящным убийством, граничащим с настоящим подвигом. Ведь вряд ли зубы нуц, пусть и острые, действительно нанесли крепкому мужчине серьезное увечье, хоть работорговец и оставил рядом с собой приличную лужу крови. Кровь все еще лилась постепенно ослабевающим фонтанчиком. Кстати, это не помешало кому-то немедленно занять освободившийся стол и громогласно потребовать двойную порцию ухи, а еще кому-то – проворно начать шарить у трупа в карманах.

Тайрэ и принц Ино вышли на улицу. Они преодолели несколько проулков и свернули в очередной, когда черная тень с горящими глазами прыгнула навстречу с какой-то крыши – а может, напрямик из чьего-то окна. Веревки на тощей шее уже не было, но Ино без труда узнал остроухую длинноволосую пленницу. Капитан тоже. Приблизившись на шаг, он спокойно спросил:

– Почему ты еще не спряталась в чьем-нибудь трюме и не возвращаешься домой?

Она неопределенно повела голым плечом.

– Мне некуда. Всех перебили, когда угоняли. Возьмите меня с собой, маар. Я буду не хуже вашего гаремного дохляка. Даже лучше. Во всём.

При этих словах Ино, до того жалевший девочку, от возмущения подавился воздухом. Мало того, что *дохляк*, так еще и *гаремный*?

– Эй ты!

Его не удостоили и чихом: говоря, дикарка не спускала с капитана жадных пылающих глаз. Движения ее были плавными, речь неторопливой и вполне четкой, картавой самую малость. Успокоившаяся нуц больше не напоминала перепуганное существо, которое таскали по душному прокуренному залу. И, даже будучи довольно маленькой, она, кажется, верила,

что ее обнаженное черное тело удержит внимание Тайрэ. Но тот с легкой усмешкой покачал головой.

– С дороги, девочка. Если бы я брал на корабль каждого ребенка, которому помогаю в ерунде, у меня был бы уже выводок, как у морской черепахи.

– Я не ребенок! – запальчиво возразила нуц, расправляя плечи. – Мы растем быстрее вас. Когда начнется новый Большой Прилив, я уже буду ублажать вас, как вы захотите. Если вы захотите. Вы мне нравитесь. Да и дохляк тоже ничего.

Ино злобно глянул на нее, и она усмехнулась, показав клыки. Но Багэрон Тайрэ не успел ничего ответить. Сзади раздалось несколько голосов:

– Вон она! Она собственность Кре А'лона!

С другого конца переулка шли несколько пиратов. Они тоже были одеты по-заморски; Ино сразу вспомнил, что в трактире работороговец здоровался с ними довольно бурно. Значит, дружки, которые решили проверить подозрительных незнакомцев... и не ошиблись. В руках мужчин блестели длинные зазубренные клинки лури.

– Отдай ее!

Капитан «Ласарры» молча отодвинул Ино и девочку за спину, шагнул навстречу пиратам и тоже вынул из ножен сабли. Он намеревался драться в одиночку, но Ино не собирался этого допускать. *То самое время*, время расплатиться, пришло, – он чувствовал и, может, поэтому даже не боялся. Пальцы крепко сжались на рукояти прямого меча, который он выбрал себе сам из почти бесконечных гор вооружения, хранившегося на «Ласарре». И который только сэлту назад перестал периодически ронять из-за невыносимой тяжести.

К тому дню принц получил только десять или двенадцать уроков от Тайрэ. Они отличались от фехтования с дворцовым мастером так же, как домашняя кошка отличается от гри-вастого заморского сородича-льва. После каждой тренировки с капитаном принц оказывался ничком на дощатой палубе, а наутро едва мог встать. Тайрэ ни разу не отзывался о его способностях мечника не то что хорошо, но хотя бы сносно. И тем не менее Ино проигнорировал указание «Не суйся» и скинул на землю длинный заморский плащ, обшитый по краю звонкими золотыми бубенцами.

– Мы ее не отдадим! *Мы!*

Это он выпалил с мальчишеской решимостью и даже попытался угрожающе оскалиться. Наверное, получилось неважно, а вот первый отраженный удар и первая собственная атака удались куда лучше. Ино не был тогда еще достаточно сильным, зато – достаточно упрямым, а еще юрким и быстрым. Но главное – он бился и боялся не только за себя.

Да, это было первое *настоящее сражение*, и хотя Тайрэ всегда пренебрежительно звал тот случай «дурацкой стычкой с пьянчугами», Ино его запомнил. Именно тогда он отлично уяснил, что значит прикрывать чью-то спину и успевать думать о своей тоже, предугадывать действия как противников, так и союзников. Необходимая наука в командном поединке, особенно – если дерешься в меньшинстве.

Врагов было четверо, все – вооружены и крайне злы. Правда, маленькая нуц не оставалась в стороне, в очередной раз напугав и поразив Ино. Теперь она не пустила в ход зубы, а просто *задушила* одного из нападавших – крупного, раза в четыре шире ее самой, мужчину. Когда она слезла с распростертого на земле тела и как ни в чем не бывало ухмыльнулась, все уже закончилось.

Ино получил рану в плечо: самый ловкий, самый молодой пират его все-таки достал, прежде чем лишиться головы от клинка Тайрэ. Но все равно принц страшно гордился, потому что с одним из нападавших справился полностью сам, да еще довольно быстро. Совершил первое убийство... или впервые вступился за тех, кто умирать не должен? Этот внутренний разрыв, внезапный полувопрос сбивал с толку. Но как же кипела кровь, как легко дышалось, как остро ощущались запахи грязного переулочка, неотрывные от налетающих порывов бродя-

чего морского ветра. Запахи жизни, отнятой и сохраненной, но так или иначе вечной в своем круговороте. А рана... рана стала чем-то вроде черты, разделяющей эти две грани – убийцу и героя. Видя, что Ино покачнулся, Тайрэ вдруг приобнял его за плечи, потрепал по волосам и даже улыбнулся.

– Ты не безнадежен. Отлично.

Раньше капитан так не делал. В груди будто застучал горячий молот. Видел бы отец... впрочем, хорошо, что не видел.

– Спасибо. Надо уходить, – сдавленно отозвался принц, боясь поднять глаза.

Правда, он тут же вскинул их, стоило пирату повернуться к нуц и сделать приглашающий жест.

– Ладно. Ты принята. Только выброси из своей маленькой башки бредни про «ублажать». – Тайрэ вытянул окровавленный клинок в сторону, поддел валявшийся возле стены плащ и перебросил девочке. Золотые бубенцы звякнули. – Прикройся. Как тебя зовут?

– Дарина. – Она неохотно подчинилась и тут же гибко, все с тем же завлекающим кокетством склонилась в поклоне. – Вы не пожалеете. А куда идет ваш корабль?

– В Гоцуган.

Тайрэ сказал это, уже направляясь вперед. Ино поспешил за ним; нуц пошла рядом. Принц иногда посматривал на нее и каждый раз встречал такой же настороженный неприветливый взгляд. Про себя он досадовал: опасался, что это пополнение на «Ласарре» станет ошибкой. Не стало, и он довольно быстро это понял. Но главным в *том дне* оказалось совсем не это.

...Вечером Тайрэ помогал ему промыть рану отваром трав, приготовленным Дариной из запасов прежнего корабельного медика, и наложить повязку. Он делал это с легкостью, даже почти не причиняя боли, так что Ино поклялся себе не жаловаться. Стараясь сидеть попрямее и стискивая зубы, он просто терпел. В какой-то момент капитан особенно пристально посмотрел ему в глаза.

– Ты бился хорошо сегодня. Я этого не ожидал.

Меч у Ино в руках дрожал тогда, но он понял, что теперь, после победы, в этом не обязательно признаваться, и только прошептал:

– Вам... тебе я все равно проигрываю. Но это пока!

Он почувствовал, как повязка ложится на кожу, и сморщил нос. Багэрон Тайрэ усмехнулся, то ли заметив это, то ли от нелепой самонадеянности услышанного, то ли каким-то своим мыслям.

– Мне ты будешь проигрывать еще долго. Потому что я всегда буду требовать больше, чем нужно в такой драке и даже в более серьезном сражении. Уясни это. Забудь о средних величинах.

Ино кивнул. Тайрэ закрепил повязку и медленно, точно раздумывая, произнес:

– Рано или поздно о тебе заговорят, мой юный принц. В команде «Ласарры» *нет* незаметных, и ты таким не будешь, я знаю. Тебе нужно какое-то имя, хотя бы для того, чтобы его знали удирающие враги. Ты думал об этом?

– Пока нет, – тихо отозвался Ино. – Я не был уверен, что когда другие вернутся...

«...Вы не прогоните меня». Он не сказал этого, но Тайрэ, кажется, понял: широкая ладонь сочувственно провела по его волосам, потом капитан поднялся с койки.

– Дуан. Как тебе?

«Два лица» все с того же мертвого языка Общего Берега. Ино улыбнулся.

– Отлично. И... можно не записывать. Всего четыре буквы.

Тайрэ рассмеялся и, качая головой, вышел из каюты.

«...Я всегда буду требовать больше, чем нужно». Это касалось не только владения мечом, и Дуан это понял. Ино тоже.

«Забудь о средних величинах». Он забыл. И знал, что не вспомнит, даже теперь.

Когда станет правителем.

С трех стен, окаймлявших Треугольную Площадь, на коронацию взирали молчаливые боги. Будущий властелин Альра'Иллы шел вперед, гордо приподняв голову. Он чувствовал на себе и *эти* взгляды, и еще сотни взглядов из толпы. Они окрашивались множеством оттенков чувств – от простого ленивого любопытства до преклонения и настороженной неприязни. *Пропаавший. Проклятый. Вернулся, чтобы воцариться.*

Дуан Тайрэ не боялся, что его узнают, даже если в народ и затесались вдруг знакомые пираты. Он давно понял: люди вообще склонны запоминать скорее детали – шляпы, форму усов, украшения, одежду, оружие. Королевский облик – отороченный мехом плащ, расчесанные чистые волосы, выбритый подбородок и неподведенные глаза – менял в Капитане Два Лица и все остальное. Еще в спальне, глядя на себя в зеркало и одеваясь, он понял: принц Ино, «юный Сокол», *здесь и всегда прятался здесь*. Его не удалось утопить в море.

Церемония проходила без музыки: как и всегда, музыкой были тишина и чуть слышное в ней дыхание людей. Никто ничего не выкрикивал и даже не шептал; любой шепот был бы явственно слышен как смертным, так и богам. Говорить имели право лишь двое – коронуемый и коронуемый.

Верховный жрец Пантеона, старый Райша де Локар из пиролангов, *горных людей*, медленно протянул принцу мохнатые ладони. Дуан вложил меж массивных рук свои. Кожа под белой шерстью была холодна, как снег, так же холоден низкий голос.

– *Клянешься ли ты перед своим народом отречься от себя самого и принять единственным своим благом благо светлейшей Альра'Иллы?*

– Клянусь.

Толпа молчала.

– *Клянешься ли ты перед ликом сиятельной Лувы беречь все благое, что есть в наших землях, и нести свет соседним, словом или клинком, если они погрязнут во тьме?*

– Клянусь.

Златовласая Лува красовалась на центральном гобелене Светлой стены. Ее взгляд, казалось, не обзывал ни к чему, был полон кротости и любви... но ей *не случайно* всегда клялись первой.

– *Клянешься ли ты перед ликами Милунга и Пала заботиться о процветании своего народа, о его единении, о крепости его семей? Защищать его от голода, болезней и недугов, преумножать его благосостояние?*

– Клянусь.

Румяный вислоухий толстяк на горе подушек и косматый пироланг в лентах и бусах тоже не могли внушить подлинного страха. Это двое – бог процветания и бог семьи и дружбы – по праву звались Светлыми. Ино улыбнулся их изображениям и тут же почувствовал, как в ожидании следующих слов по тан бежит дрожь.

– *Клянешься ли ты перед ликом Дараккара Безобразного вершить беспристрастный суд, вести справедливую войну, быть честным и с союзниками, и с друзьями, не позволять себе малейшей лжи?*

Дуан посмотрел на гобелен. Мужчина с бритой головой и третьим глазом на лбу – единственным зрячим, два других были слепыми, – взирает в ответ. Корона венчала чело так, чтобы металл не задевал обведенную алым глазницу. «*Власть не затмит ясное око*», так и никак иначе. Дараккар тоже был Светлым. Но все знали, что второй его глаз – на затылке, точно против первого, потому что когда-то, уродуя сошедшего к ним божьего сына, люди пробили ему череп насквозь. И отныне воскресший Дараккар видел всё.

– Клянусь.

Последняя клятва: Темным и Переменным богам, чьи изображения украшали две другие стены, не клялись. Клялись даже не всем Светлым, хотя раньше было иначе, просто с течением Приливов многое менялось. Время стало дорожать, церемонию сократили до нескольких главных клятв. И толпа взорвалась криками и аплодисментами, такими резкими и отчетливыми после тишины.

Венец, возложенный старой королевой, показался очень тяжелым, и вряд ли – из-за крупных самоцветов. Дуан улыбнулся; ему улыбнулись в ответ. Принцесса Розинда, занимавшая трон рядом с бабушкой, тоже улыбалась, но эта улыбка, кажется, не была настоящей. Когда вновь стало почти тихо, Дуан повернулся к толпе и поднял руку. Его приготовились слушать.

– Мне нечего сказать, кроме того, что я рад вернуться домой и постараюсь быть вам опорой. Завтра я отправляюсь в путешествие по нашим землям, дабы все, кто не верит еще в мое возвращение, увидели меня воочию. Но я не буду отсутствовать больше трех сэлт, а когда я вернусь... – Дуан улыбнулся, – начнется Сэлта Большого Отлива. Мне рассказали, что этот круг был хорош и щедр на урожай. Не ложь ли это?

Замолчав, он чутко прислушался и присмотрелся. От слуха не ускользнуло бы шептание, от зоркого взгляда – ехидное или недовольное переглядывание. Но все были спокойны и только по-гусиному тянули шеи, ожидая, что еще скажет новый король. Некоторые кивали.

– Славно, если так. В таком случае праздники у нас пройдут радостно. Остается только дожждаться их и пережить так, чтобы потом не болела голова?

Многие, услышав это, одобрительно засмеялись, и Дуану стало чуть легче. Он понял, что только что прошел первое испытание из ранее ему неизвестных. Может быть... Железный был бы им доволен. Вот только очень давил на голову обретенный венец.

5. Шан'

– Мы же обещали. Я обещал. Пойдем.

Дуан говорит, улыбаясь от облегчения, просто не может не улыбаться. Капитан жив. Здесь. И с ним всё...

– Ты прикован?

Легкое качание головой.

– Тогда вставай. Надо уйти побыстрее.

Ответ заставляет крепко сжать ключ в ладони.

– Вам не нужно было за мной возвращаться. Теперь.

Из коридора звучат отдаленная стрельба и тревожные, злые крики. Заслон пиратов прорвали? Проклятье...

– Дуан, прочь! – Голос Тайрэ, поначалу тихий, теперь привычно рокошет, как пушечный залп. – Уводи их. Зачем ты их притащил?

– Уходить? – Осмыслить услышанное просто не удастся. – Только с тобой. Какого шан' ты...

Не заканчивая, Дуан делает несколько шагов вперед и пересекает порог камеры, но капитан все еще неподвижен, сидит спиной, странно сгорбленный. Его оглушили или дали ему какую-то отраву, поэтому он не совсем понимает происходящее, возможно, даже не узнаёт своих. Принц уверен в этом, когда сжимает широкое плечо, требовательно тянет наставника наверх и... наконец видит. Плечо Тайрэ, как ему и положено, переходит в руку, но рука заканчивается на уровне локтя. Дальше намотана окровавленная потемневшая тряпка. То же – на месте второй.

Пальцы сжимаются сильнее, из горла вылетает что-то, не похожее ни на хрип, ни на возглас, скорее такой звук издают захлебывающиеся. Тот, чью фамилию Дуан давно забрал, чтобы хоть что-то добавить к имени, медленно поднимает на него глаза.

– Теперь понял? Уходи.

Ярость заполняет всё изнутри, ее вкус – вкус гнили и крови. Дуан жалеет, что пару швэ назад оставил жизнь стражникам каземата, просто оглушив их. Но эта мысль – только вспышка, времени на нее нет. Он швыряет ключи в карман и тянет капитана за плечи вверх, сильнее и упрямее.

– Ты идешь со мной. В крайнем случае... – произносить это невыносимо, но он произносит, – тебя прямо сейчас пристрелят. Будет хуже?

Взгляды скрециваются, как скрецивались клинки, – давно, бесконечно давно, ведь беглый принц больше не нуждается в уроках фехтования, а сам дает их юнгам. Дуан выдерживает пустоту блеклых глаз, глядит только упрямее, отчаяннее, злее. Сегодня он уже выдержал многое, но это – боль, гнев и безнадежность вместе – сложнее всего.

– Не будет. – Уголки обветренных губ капитана приподнимаются в улыбке. – Ты прав. «Будет. Мне».

Но, не произнося этого вслух, Дуан рвет с пояса сразу два пистолета и первым идет к выходу.

На этот раз кошмар оборвался там, где и обычно. Дуан, открыв глаза, вцепился обеими руками в подушку. Пальцы сводило. Вокруг, казалось, роились десятки мелких нечистых духов шан'.

В сэлты, проведенные в путешествиях по Альра'Илле, новый король не видел вообще никаких снов. Возможно, он просто слишком устал: от бесконечных разговоров то со знатью, то с простолюдинами, от таких же бесконечных попыток оставить хорошее о себе впечатление

или хотя бы не ударить лицом в грязь. В целом, у него получалось. Вспоминались все уроки, как полузабытые дворцовые, так и новые – полученные в море и дальних странах.

В четырёх поселениях Дуан врывается прямо в толпы бунтовщиков, все еще не поверивших в его существование. Один раз даже получил рану, и это привело в ужас всех, кроме него самого. Так или иначе, бунты гасли. Дуан не позволил никого повесить и даже отхлестать фенгами, чем заслужил себе первое прозвище – *Милосердный*. Сам капитан «Ласарры» понимал, что оно довольно далеко от правды, но слышать его было удивительно приятно. И приятно было видеть, как хмурые люди начинают улыбаться и провожают правителя радостными криками, как собирают в дорогу корзины со свежим хлебом, фруктами или что еще пошлют боги. Он чувствовал себя нужным. Удивительно нужным. Раньше так было только... *однажды*.

Тот кошмар, который теперь, по возвращении, в первую же ночь напомнил о себе, не был выдуман. Не был навеян хитрым богом Вудэном, чьи щупальца незримо касаются век смертных, крадут добрые сновидения и наполняют воздух мерзостными маленькими тварями шан'.

Тот кошмар был настоящим. До последней своей швэ.

Фи́рт. Время холодной немо́щи

Пиратов «Ласарры» знали по всему Морскому Краю и во многих землях Заморья. С капитаном Тайрэ не боялись вести дела: единственное, чего он избегал, – бесчестных поступков. К примеру, медицинский корабль команда брала всего один раз за десять Приливов: когда на борту неожиданно вспыхнула лихорадка зурана. Даже тогда решение принимали на свой риск Дуан и Дарина – остальные уже не могли принимать вообще никаких. И даже тогда никого не убили и не ограбили.

То же касалось всего: спасения своих, обращения с пленными, ведения боя, дележа добычи, выбора направлений и целей. Тайрэ едва ли двигали принципы и благородство, скорее ему было просто *неинтересно* – нападать на слабых, забирать больше, чем нужно, уничтожать оружием, которого нет у противника, если, конечно, противник не напал сам. По той же причине Тайрэ не заводил врагов: наличие врага значило какие-то постоянные проблемы из одного и того же источника. А капитан, при своем, казалось бы, спокойном характере любил разнообразие. Крайне любил.

«Ласарру» нередко нанимали враждующие принцы, короли, сагибы, кхарры. На подобное Тайрэ соглашался не сразу, всегда предпочитал разузнать, на какую силу придется работать. Если сила не брезговала методами Тёмных богов, она обычно получала отказ.

Тогда независимый город Лауронна попросил помощи в водворении свергнутого рода кхарров обратно на престол. Лауронне, светлой и теплой, притаившейся на крайнем мысе Заморья и по укладу своему более напоминавшей Морской Край, Тайрэ решил помочь, объединившись с двумя другими капитанами и поддержав поднимавшееся восстание. Но вернувшиеся на трон были далеки от представлений, которые Дуан имел о благородном сословии. А может быть, наоборот, *слишком* близки.

– *Они всегда поступают так, Ино ле Спада. Рано или поздно.*

Это Тайрэ сказал еще прежде, чем одержал победу и выполнил свою часть сделки. Но принц тогда не понял сути слов, как не понял, почему к нему впервые за последние шесть Приливов обратились по забытому, почти чужому имени. Понимание ждало впереди, таилось, как тварь в самой глубокой и темной заводии моря. Манило огоньком, напоминающим фонарик рыбы-удильщика, и прятало острые окровавленные зубы.

Начавшаяся в первую же ночь после победы бойня не оставила ничего от двух из трех стоявших в порту волчьих судов. Только «Ласарра» с пылающими парусами ушла, хотя меньше всего на свете хотела уходить. Потому что Тайрэ, приглашенный вместе с двумя другими капи-

танами на некий *тайный совет*, не вернулся к команде. По мирно пришвартованным пиратским кораблям просто начали палить гарнизонные пушки, а вскоре явилась и стража.

Видимо, Тайрэ что-то заранее подозревал, уже получая торжественное приглашение. Предчувствовал, несмотря на все почтительные благодарности кхарра дэ'Шанцуно, на подаренный гербовый перстень и клятву вечной дружбы перед лицом Пала. Потому что на прощание он отдал строгий приказ уходить в определенное время – с ним или без него. Уходить независимо от обстоятельств. Да, он отдал именно такой приказ. Но он не отдавал приказа *не возвращаться*.

«Ласарра» отошла к лежавшим в стороне от прочих земель Закрайним островам и стала чиниться, зализывать раны, строить план. Дуан прикладывал все силы к тому, чтобы упрямиться побыстрее, и все время одни и те же мысли грызли его изнутри, как грызли и прочих, то и дело срывавшихся на стычки, споры, драки. Они были сломлены все, до единого. И разобщились.

Почему? Почему капитан Тайрэ всегда принимал решения сам? Ему предоставили право взять кого-то на совет, и, видят боги, согласился бы любой, от юнги до боцмана. Но он не взял никого, усмехнулся, бросив: «Нет у меня таких важных птиц».

– *Он слишком ценил твою шкурку, красавчик.*

– *Тебе стоило пойти за ним хотя бы тайно.*

– *Запускай проклятую машину, капитана надо вытаскивать.*

Это, да и слова куда злее, Дуан слышал от каждого второго и до сих пор считал, что они, прожигавшие его покрасневшими от злости, бессонницы и висхи глазами, были правы. Но тогда он только качал головой и твердо повторял:

– «Ласарра» не готова. Мы не пойдем на Каменный Город с пушками, которые не стреляют, и огнеплевками, которые не высохли. Нам нужно собраться.

Пираты скрипели зубами и отходили. Они, в отличие от Дуана, не умели приводить в движение заморский механизм и топку. Так было всегда, Тайрэ считал это одним из залогов безопасности – даже больше своего подопечного, чем своей. И команда ждала. А молодой принц знал, что, скорее всего, умрет, так или иначе. Потому что, скорее всего, уже опоздал.

«Ласарра», напоминавшая *спящего*, разбуженного Темными богами, явилась в гавань ночью, в полной тишине. Примерно так же она когда-то пристала к Семнадцатому острову архипелага Пирокко; тогда на борту были двое, теперь – больше. Пираты вышли в городской порт, безошибочно помня дороги к кварталам знати и к постам ночной стражи. Взрывчатки приготовили достаточно. Когда настал рассвет, от богатых районов, порта, верфей Лауронны остались камни, доски и трупы.

И тем не менее Дуан опоздал. В этом он тоже всегда винил себя, и плевать, что *всё произошло* даже до того, как выстрелила первая гарнизонная пушка и на «Ласарре» загорелся первый парус. А еще... пушки и пламя были не *первым* и не *страшнейшим* оружием Лауронны. И не главной причиной, почему на ее развалинах Волки, такие благородные и принципиальные, почти не оставили живых. Положили большинство тех, кто поддерживал возвращающуюся династию.

...Каменный Город любил моду, уклад, традиции Морского Края. Его систему отсчета времени, его книги, пищу и музыку. Но кое-что здесь все же предпочли перенять не у своих далеких и благородных соседей, а у более ближних. *Здесь никогда не строили виселиц.*

Отрубленные головы пиратов со «Звездолова» и «Красавицы» – двух союзных с «Ласаррой» кораблей – были насажены на пики, все до одной. Пики городская стража расставила, казалось, по всему порту и дальше, на ратушной, рыночной и дворцовой площадях. Натываясь взглядом на каждую такую пику, Дуан чувствовал один и тот же ужас до рвотных спазмов. Ужас этот чуть ослабевал, когда искаженные черты очередного лица, тронутого следами разложения, оказывались *не знакомыми*. И вспыхивал с новой силой спустя несколько десятков шагов.

Он знал, что нужно искать в казематах. Знал, что пойдет туда, один или нет. И именно там, в бледном рассеянном свете заканчивающейся ночи, он увидел, что капитану «Ласарры» Багэрун Тайрэ отрубили обе руки по локоть. Никто из кхарров не хотел, чтобы в будущем он возвел на престол кого-то другого. Но при этом все обставили с царственной насмешкой...

«Он говорил, что такова его благодарность за мою храбрость. Моя жизнь».

Тайрэ произнес это без всякого выражения, уже когда «Ласарра» покидала заморские гавани. Пираты не взяли здесь ни самоцветов, ни пищи и воды, ни даже законную плату. Они забрали только головы союзников, чтобы похоронить на Закрайних островах. На самом краю воды, там, откуда особенно величественно и прекрасно море и где, говорят, сама Моуд, Рыжая Богиня, целует доблестно павших мертвецов в лоб и уводит за собой в странствия. А вскоре Багэрон Тайрэ сказал о том, что тоже *уходит*, и сказал это так, что никто не решился спорить. *Те швэ* Дуан тоже так и не перестал видеть во снах, каждый раз одинаково ярко.

...Они вернулись в Морской Край, где настал *фиирт*. Середина Полукруга, время точно между Большим Приливом и Большим Отливом, когда некоторые участки моря покрывает лед, и его же крупницы сыплет сверху Лува, чьи волосы и золотой наряд белеют до холодного слепящего блеска. Никто не любит в Морском Краю фиирт, потому что он – время голода, немощи и расставаний.

«Ласарра» зашла в порт на самом лесистом мысе – полудикий, посещаемый разве что Крысами, когда нужно подлатать свои посудины. Это не случайно любимое их гнездо: здесь тихо, даже некого и незачем грабить. Едва сводящее концы с концами маленькое королевство Нир живет только тем, что продает рыбу, пушнину и древесину. Последняя, редкая и красивая, могла бы быть ходовым товаром, но дело в том, что почти любое здешнее дерево в толщину и в высоту не уступит оборонной башне. *Лес* намного древнее поселившихся на мысе людей, рубить его почти невозможно, как невозможно даже жечь. Нир – страна на его корнях, в его тени. А корни эти с жадностью пьют не только подземную пресную, но и морскую воду, а порой – не брезгают и человеческой кровью.

Дуан думал о том, что здесь, в этом холодном глухом покое, можно будет залечить многие раны. Тайрэ, видимо, думал так же.

– Что ж, парни и девчата. Надеюсь, вы пожелаете мне побольше удачи от Светлых богов и будете иногда выпивать за меня.

Он сказал это просто, ведь прежде все оговорили не раз. Но сказанное вновь пригвоздило всех к месту, потому что никто до конца не верил, что решение капитана бесповоротно. Кто-то из женщин заплакал. Дарина зашипела: на «Ласарре» не любили слез; здесь даже умирали, смеясь и сквернословя.

Принц неотрывно смотрел на стоявшую спиной к ветру, закутанную в теплый плащ фигуру. Бесцветные глаза Тайрэ не отражали ничего, а губы сжались в узкую линию. Обе отсутствующие руки были сейчас заменены протезами: правая деревянным, левая – крюком.

– Маар...

– Капитан...

– Багэрон, ты рехнулся?

Голосов было множество, они накатывали друг на друга, как волны. Дуан ничего не говорил; он стоял в стороне от окружившей Тайрэ толпы и с усилием цеплялся обеими руками за край борта. Сжимал до побеления костяшек. Упрямо наклонил голову и изредка зажмурился.

– Не смейте!

– Мы вас не пустим!

– Да, сожри меня Джервэ, капитан!

Почти все они – эти верзилы, головорезы, воры, юркие женщины, нуц со множеством тайн в прошлом, – знали Багэрона Тайрэ дольше, чем Дуан. Но только принц понимал: никакие

мольбы и божбы не помогут. Ему мучительно хотелось попытаться, но он не попытался, и единственным, что он услышал на прощание, было: «Дуан будет вашим капитаном. Я верю ему как себе. Если вы нарушите эту волю, я приведу по ваши головы всех Темных и Светлых богов». Дуан тогда почувствовал на себе разом десятки взглядов. Но, скованный горестной немотой, немотой в очередной раз брошенного, преданного ребенка, он только крепко сжимал кулаки, смотря под ноги.

– Дуан?

– Я... сделаю всё, чтобы «Ласарра» не сбилась с курса.

Прощаясь, он не обнял капитана только потому, что не хотел напоминать: тот не может вернуть объятие. Они взглянули друг другу в глаза в последний раз, и Тайрэ чуть склонил голову.

– Я рад, что ты вырос. И что вырос *таким*. Прощай.

Спрыгнув с трапа, Тайрэ пошел вперед. Он не обернулся – ни разу. И желание побежать за ним тоже застыло в холодном сне, мучительное и щемящее.

Именно тогда Дуану пришлось узнать, *что* значит быть капитаном. Капитаном, которого к тому же принимают со скрипом, неохотно и настороженно, пытливо оценивая каждый взгляд, шаг, поступок. Принимают, постоянно сравнивая со старым, потому что с *таким* невозможно не сравнивать. «*Почему ты?*» «*Почему тебя?*» Дуан читал эти вопросы у многих в глазах, но только поначалу: вскоре ответы нашлись. Ведь один из первых и самых главных уроков Багэрона Тайрэ пригодился как никогда.

Забывать о средних величинах. Стать лучшим. Быть лучшим.

День мучительно умирал в написании приглашений на Сэлту Большого Отлива. Предвкушение ее уже разлилось в окружающем воздухе; порой казалось, он даже звенел и вибрировал. Время дневных гуляний и ночных прыжков через разведенные на отмелях костры любили все: и народ, и знать. Съезжались со всех концов.

Дуан понимал, что хорошо провести празднества – еще одно испытание, которое ему предстоит. А еще он окончательно укрепился в мысли, что для осуществления нехитрого плана по собственному освобождению от титула настал лучший момент. Еще один старый совет Багэрона Тайрэ – находить дополнительную пользу во всех делах – как и всегда, пригодился Дуану.

За время своего монаршего путешествия по Альра’Илле он успел приметить много разительных и галантных молодых кхарров, графов и баронов, гильдийцев, военачальников и купцов, которые – по его мнению – могли бы понравиться сестре. От всех приглашенных они составляли не меньше четверти. Хоть кто-то должен был подойти.

Старший церемониймейстер Вейг уже запланировал несколько балов, морских прогулок и охот, и мысль о расходах, которые предстояло понести, угнетала. Угнетала, несмотря на то, что казна, из которой Талл Воитель почти ничего не тратил и которую регулярно пополнял, легко могла выдержать и не такое. Просто Дуан давно отвык от роскоши и не видел в ней смысла, как и во всех излишних предпраздничных телодвижениях. Поэтому само наличие старшего церемониймейстера, который при новом чрезвычайно оживился, было просто даром Светлых богов.

Дуан придумал несколько вариантов писем знатым семьям – иностранным и альраилльским. В этих вариантах можно было сочетать или менять местами слова, и Дуан старательно менял. А три периодически сменяющихся, тощих как палки и одинаково сутулых писаря, присланных Королевской Канцелярией, записывали каждое послание под диктовку. На самом деле, когда все только началось, Дуан надеялся, что управится быстрее, чем Лува поднимется на четыре-пять ступенек. Но дело затянулось.

«Уважаемый граф Лорак, имею честь пригласить Вас...»

«Достопочтенная кхарра Танкуцино, мне было бы очень приятно...»

«Дорогой барон Коццье, возможно, Вы и Ваши благородный племянник...»

Язык начал заплетаться уже где-то на тридцать пятом письме. Происходящее казалось очень тоскливым. Дуан, не особенно беспокоясь о королевском достоинстве, уронил голову на скрещенные руки и позволил короне свалиться на пухлую стопку бумаг.

– Перерыв, – вяло сообщил он. – Велите кому-нибудь принести воды. А лучше чего-то покрепче.

Он почти почувствовал, как писари с сомнением переглядываются, но не стал достаивать их взглядом. Дуан немного жалел, что не поручил составление всех приглашений тому же церемониймейстеру или еще кому-то из ответственных за мероприятия при дворе, но здесь скрывался один нюанс. В некоторых письмах требовалось аккуратно и изящно упомянуть о *второй*, помимо безудержно пьяного укрепления дипломатических союзов, цели приглашения. О сестре.

Писари Королевской Канцелярии славились своей немногословностью, поэтому им Дуан доверился. К тому же, обслуживая сразу три или четыре ведомства, они писали столько, что, вероятно, давно перестали вообще вникать в смысл того, что им диктуют. А если и вникали, намеки о «возможном совместном будущем» были настолько смутными, что их углядел бы только кто-то более сообразительный.

На стол поставили воду, но Дуан уже не хотел пить, а только вылил немного прямо себе на голову. Зевая, выпрямился и посмотрел на лежавший сверху лист. Тот – как и все прочие – был исписан именами, возрастами, цифрами дохода и титулами. Но если «отработанные» листы заполнял в путешествии сам Дуан, то на оставшихся почерк был резче и крупнее. *Отцовский*. Листы никак не озаглавливались, но Дуан без труда догадался, что старого короля тоже беспокоила судьба дочери. Напротив одного имени – настолько заковыристого, что прочесть его удалось с четвертой попытки – стояла жирная галка.

Принц Фаарроддан о'Конооарр. Славный малый.

Приписка заставила Дуана с любопытством вскинуть брови: во-первых, потому что это было единственное имя с примечанием, а во-вторых, потому что отец редко отзывался о ком-то подобным образом. Он предпочитал более холодные формулировки, как правило содержащие слова «неплохой», «терпимый» и «приемлемый». «Славный» могло значить либо то, что неизвестный Фаарроддан перевешал у себя в стране пару сотен пиратов, либо то, что за прошедшие Приливы отец изменился. Впрочем, первое было куда вероятнее. Дуан усмехнулся, водрузил корону обратно на свою многострадальную голову и сообщил:

– Продолжаем.

Писари зашевелились и зашуршали, как разбуженные птичницей наседки. Продолжая рассеянно постукивать пальцем по листу, Дуан обратил на одного из них взгляд.

– Овиус, давайте вы запишете. Итак... *Достойнейший принц о'Конооарр, имею честь...*

...Дуан вздохнул свободнее, только когда Лува, потанцевав немного наверху небесной лестницы, начала плавно спускаться по ней и спустилась до середины. Зато он был крайне доволен собой и приказал организовать себе прямо здесь, в кабинете, поздний обед или ранний ужин. А пока спешно принесенный трапезный стол сервировали, занялся наиболее важным с его точки зрения делом – поиском общества.

В последние Круги своей жизни Дуан крайне редко ел в одиночестве: на «Ласарре» это было невозможно в принципе; там завтракали, обедали и ужинали вместе, сопровождая это болтовней и песнями, чуть реже – драками. Здесь же порядки внушительно отличались.

– Принцесса изволила трапезничать, пока вы работали, маар, и теперь занята рисованием, – смиренно сообщила камеристка, вышедшая в коридор, когда Дуан постучал в покои к сестре. – Может быть, вам неизвестно, но ваш отец чаще разделял стол с членами Правого полусвета.

Дуан слабо, без удивления усмехнулся, окидывая девушку цепким взглядом: врёт про сестру или нет? Камеристка истолковала взгляд как-то иначе: покраснев, прикрыла веером кружевной вырез на груди, хотя прикрывать было особо нечего. Дуан досадливо вздохнул.

– Благодарю за подобный совет, та'аша, но, учитывая, что заседаний нет, вряд ли кто-то оосчастливит меня обществом и беседой.

Камеристка кивнула, но тут же, спохватившись, покачала головой.

– Маар Кеварро может быть в саду, у пруда. Когда у него нет дел, он нередко там. Мы застаем его с книгами, гуляя. Если, конечно, вас устроит его...

Она замялась, чуть поведя тонким плечом. В комнате принцессы что-то громко стукнуло, потом еще раз, – будто там как минимум кидали камни в стену. Рисование у Розинды явно не ладилось.

– *Цвет?* – уточнил Дуан. От расовых предрассудков он тоже отвык, море уравнивало всех.

– Именно так. А теперь простите, мне пора.

Дуан поблагодарил девушку, и дверь быстро захлопнулась. Наступила тишина, такая, что было слышно шаги часового на дальней лестнице.

Оставалось только убираться прочь: сестра даже не сочла нужным поздороваться, не говоря уже о том, чтобы посидеть за одним столом. Впрочем, вполне ожидаемо: Ро наверняка здорово дулась. Дуан тоскливо посмотрел на одну из особенно безвкусных картин, украшавших стену, – голые купальщицы на пенистом берегу, – и ускорил шаг.

Коридор давил на него. Как и все другие коридоры этого места.

Небольшой полукруглый пруд весь зарос водяными лилиями. Желтые, фиолетовые и розовые венчики нежились в рассеянном сиянии Лувы, подставляя ей переливчатые лепестки. Трава – густая, сочная, никем не подстриженная – поднималась по щиколотку. Дуан вспомнил, как любил это место в детстве, и невольно улыбнулся. Не поменялось ничего. Отец неоднократно грозился закопать пруд и поставить несколько изваяний Бодрствующих Предков. Особенно часто он обещал это, если наследник престола или принцесса делали что-то не так. Дуан не сомневался, что с его исчезновением исчезнет в скором времени и этот дикий уголок окултуренного парка... но все осталось прежним. Застыло. И, оглядываясь вокруг, он забыл, зачем пришел, пока его не окликнули:

– Ваша светлость?

Черная как уголь фигура, одетая сегодня в черные же одежды, сидела на одной из скамей с книгой. Стоило Дуану повернуть голову, как нуц быстро, гибко вскочил и поклонился.

– Доброго вечера.

– Доброго вечера, – отозвался Дуан, делая несколько шагов навстречу. – Вы заняты?

– Все мы – всегда к вашим услугам. – Желтые глаза советника блеснули. – Чем могу быть полезен?

Дуан задумался, как бы это сформулировать. Просто хлопнуть по плечу со словами: «Закусишь со мной, старина?» не подходило, хотя на «Ласарре» все делали именно так, и от таких предложений сроду не отказывались. Подумав, он начал издалека:

– Мне несколько скучно.

– Ваш отец одно время держал при себе шутов, – последовал невозмутимый ответ.

– Простите, что... – Дуан спохватился, махнул рукой и заговорил уже прямо: – Нет-нет. Не в этом смысле. Время ужина. Я, как вы могли заметить, не обзавелся пока никаким *ближним кругом*. Разделите со мной трапезу? Не помешало бы выпить, у меня выдался трудный день.

Последние слова вызвали у Кеварро явное удивление. Он склонил к плечу голову, сводя пальцы в замок.

– Думаю, у королей не бывает легких дней. Несомненно, я приму ваше приглашение, если вы так хотите. Хотя оно несколько неожиданно.

– Если, конечно, вас не ждет супруга или друзья...

– Меня никто и нигде не ждет, – равнодушно отозвался нуц. – Никогда, не здесь. Идемте.

Дуан кивнул, пытаясь переварить начало ответа. Оно показалось крайне печальным, хотя выражение лица советника так и осталось бесстрастным. Перехватывая поудобнее свою книгу с каким-то очень длинным, едва влезающим на обложку названием, Кеварро шагнул вперед.

– О неожиданности я сказал по другим причинам. – Голос советника снова раздался уже на расчищенной садовой дорожке. – Ваш отец приглашал к своему столу кого угодно, кроме меня, я же привык держаться на расстоянии.

– А мне вот захотелось пригласить именно вас. – Дуан пожал плечами. – Мне неизвестно положение дел в Совете, но вы там явно выделяетесь... – Тут он подмигнул с лукавым смешком. – И я хочу с вами дружить. Мне нужны умные головы рядом.

Темные брови Кеварро, едва различимые на таком же темном лице, приподнялись.

– Надеюсь, не отрубленными? Насколько мне известно, этим нередко оканчивается дружба с королями.

– У дикарей, – парировал Дуан. – И у заморцев. А я в случае чего просто вас повешу.

– Более чем утешительное обещание, ваша светлость. Это совсем другое дело.

Разговаривая подобным образом, они вернулись в замок, а вскоре сели друг против друга в кабинете. Дуан, отпустив слуг и окинув быстрым взглядом щедро накрытый стол, увидел на нем графин вина. Ничего крепче не было, хотя король не отказался бы, например, от настоящей на розовом или белом жемчуге виски. Тем не менее, решив довольствоваться малым, он отвинтил от графина крышку и, приподняв сосуд за горлышко, осторожно взболтнул. Волна терпкого сладкого запаха подсказала хороший фииртовый сорт винограда и приличную выдержанность. Нотки можжевельной свежести выдали даже местность: прохладный суровый Тур.

– Вы провели десять Приливов в подобию околдованного сна и не забыли, как пробовать вино...

Дуан едва не выронил графин, услышав это, и поспешил улыбнуться советнику.

– Да, некоторые виноделы отца слишком часто проделывали подобное. Такое не забывается. Знаете, мне кажется, будто я был юным еще вчера. Эти десять Приливов действительно стали странным сном.

«...*Полным и счастья, и отборных кошмаров*». Добавляя это про себя, Дуан невольно снова задался вопросом, что делают Дарина и Железный.

– В таком случае сон пошел вам на пользу. Везде уже говорят, что, путешествуя по нашим землям и усмиряя бунты, вы проявили себя как «мудрый и достойный муж, закаленный страшными испытаниями». – Советник помедлил, и углы его рта дрогнули в улыбке. – Я процитировал вам то, что уже записали в хронике. От себя я сказал бы, что вы справились достойнее, чем справился бы ваш почтенный отец в подобной ситуации. Он был прекрасным королем, но оставил бы за собой слишком много висельных веревок. Простите.

– Не извиняйтесь перед прежним королем, если уж льстите новому. – Дуан опять усмехнулся; этот человек ему явно нравился. – Я преклоняюсь перед моим отцом, но вы правы в том, что его нрав был горячее моего и он не простил бы подданным даже малейшее недоверие. Именно поэтому боги нарекли его Воителем, еще когда он издал свой первый детский крик.

– А вы – Сокол, потому что стараетесь смотреть на ситуацию сверху?

«*Я Сокол, потому что на “Ласарре” невозможно было оставаться пленцом*». Но Дуан не произнес этого вслух, а только ближе придвинул к себе бокал.

– Стараюсь по мере сил. Надеюсь, – он перевел разговор, – вы не против, что мы обойдемся без слуги, который пробовал бы каждое блюдо здесь и разливал нам вино? Насколько мне известно, при нашем дворе за последние пятьдесят Приливов никого не отравили.

– А вы так хотите быть первым?

Под несколько обеспокоенным взглядом Дуан отвел за ухо прядь волос, взял вилку и без особых церемоний подцепил с длинного блюда самый большой кусок жаркого из кролика.

– Это избавило бы меня от множества проблем вроде необходимости присутствовать на балах, – философски заметил он, с трудом сдерживая желание сразу сунуть великолепно пахнущее мясо в рот. – И не говорите, что вас самого это не вдохновляет. Налить вам?

На самом деле один из его перстней, украшенный овальным *сильбуррам* кроваво-красного цвета, имел крайне занятное свойство: камень темнел, если поблизости от владельца был яд. Подобные вещи носили почти все сагибы и сановники Заморья, где ядов знали больше, чем сладостей. Перстни с этим же мудрым камнем дарили своим фаворитам и фавориткам, женам и мужьям, любовникам и любовницам – чтобы их не отравили те, кем дорожат меньше.

Дуану, как и каждому в команде «Ласарры», посчастливилось получить такой подарок в благодарность за спасение дочери одного из светлых жрецов. Ту историю, стоившую жизни паре славных парней, он вспоминать не любил, но перстень носил, не снимая. Отличить *сильбурр* от такого же красивого, но бесполезного *сильданна*, какие носили богачи Морского Края, было почти невозможно. Сейчас, берясь за графин и аккуратно разливая вино, Дуан украдкой покосился на перстень. Тот хранил цвет полной умиротворенности. Передавая кубок, Дуан заметил:

– К тому же, будь при дворе знатные отравители, вас бы давно прихлопнули, уж простите.

– Возможно. – Кеварро опустил взгляд, но даже это было исполнено достоинства. – Мой народ не любят. Мое появление не обрадовало никого в обоих полусветах.

– Почему же отец взял вас?

– Раньше я был послом, затем меня рекомендовали ко двору. Король Талл Воитель, да хранит нас его сиятельный взор, захотел понять наш народ чуть лучше, иначе вряд ли отменил бы запрет нам селиться по вашим территориям. В последние Приливы он вообще пересмотрел многие свои старые решения. И...

– И все же он по-прежнему ненавидит пиратов? – неожиданно для себя спросил Дуан. – Я видел виселицы на площади. Неужели ему не надоела эта ерунда?

Советник посмотрел ему в лицо, не переставая плавно крутить в пальцах кубок.

– Да. Пираты все еще вне закона. В последние Приливы он особенно искал одного. – Глаза чуть сузились и ярко вспыхнули. – Говорят, в водах Альра'Иллы он почти и не бывает, больше в Заморье и близ Гоцугана. И говорят, другие зовут его Капитан Два Лица. Ду-ан, так это произносится.

– Я его не помню, хотя старые вояки отца мне о многих говорили. Он был, когда я еще не... исчез?

Дуан спросил это ровно, но внутри все начало мелко подрагивать. Не думал он, что так скоро услышит *о себе*.

– Нет, он сравнительно молод. Кажется, его кличка, а может, фамилия – Тайрэ. Он капитан баркентины «Ласарра», это судно гильдии Волков, говорят, очень быстрое и ловкое. Ходило, еще когда ваш народ воевал с нашим, и... впрочем, вряд ли вам интересно так долго говорить о пиратах.

Дуану пришлось кивнуть и поднять кубок.

– Что ж. За то, чтобы пираты поменьше беспокоили наши воды.

Советник повторил его движение.

– Скорее всего, так и будет. Пиратам не войти в этот город так, как они входят в другие. *«Они уже здесь, умник. И с одним из них ты пьешь».*

Подумав так, Дуан улыбнулся уголками губ. Чаши, соприкоснувшись, тихо звякнули.

6. Подарок

Ужин прошел в оживленной беседе, из которой Дуан многое почерпнул. Советник Кеварро был одного с ним возраста, но, как с некоторой завистью отметил новый король Аль-ра'Иллы, обладал куда более зрелым и рациональным складом ума. О сдержанности свидетельствовали аккуратная речь и манеры, о наблюдательности – вроде бы мимолетные, но неизменно меткие замечания о тех или иных придворных. Правда, даже эти замечания нуц, по-видимому, не привыкший мести языком, выдавал неохотно. Вино его особенно не разговорило. Тем не менее Дуан был весьма доволен состоявшимся знакомством и надеялся его продлить. Уже у дверей кабинета, прощаясь, он положил руку советнику на плечо и вкрадчиво спросил:

– Как вы думаете... каков мой дальнейший план? И мой первый шаг по управлению страной?

Нуц посмотрел ему в лицо и плавно пригладил волосы.

– Смею предположить, что он связан с принцессой Розиндой. А также... – в интонации послышался сдержанный смех, – смею предположить, что он провалится.

Дуан, вовсе не ожидавший правильного ответа, хотя и надеявшийся на него, вскинул брови с веселым удивлением. Это истолковали верно.

– Маара Розинда любит свободу.

– Знаете, та'аш, я тоже ее очень люблю.

Он произнес это помимо воли, ощущая, что настроение мгновенно портится. Нуц не сводил с него глаз и неожиданно ободряюще улыбнулся.

– Светлые боги всегда благоволили вашему роду. Вполне возможно, ваш шаг будет хитрее, чем я жду, или что этот шаг придумали не вы, а Вистас, и тогда...

– Тогда бальный зал надо украшать зелеными драпировками, чтобы задобрить его, – рассмеялся Дуан. – Рыжий Бог любит зеленый цвет, а вот я терпеть не могу. Ладно... я и так отнял у вас много времени. Доброй ночи, та'аш Кеварро.

– Доброй ночи. И... можно одно... наблюдение?

– Приму с превеликой радостью.

Нуц улыбнулся еще раз, чуть шире, так, что слегка обнажились заостренные зубы.

– Она слишком похожа на вас, ваша светлость.

– Принцесса? – спросил Дуан без особого удивления, скорее с тоской.

Советник, уже направившийся вперед, обернулся и кивнул. Он, судя по лицу, явно хотел прибавить что-то еще, когда...

– Лови ее!

– Держи!

– Вот скотина!

Сочные голоса часовых звучали так громко и раздраженно, что нуц, отскочивший в сторону, едва ли не попытался слиться с темным гобеленом на стене. В тот же миг мимо его длинных ног пулей пронеслось что-то маленькое, истошно верещащее и весьма знакомое. Дуан узнал безошибочно: это была свинья с поросшей особенно густой темной шерстью спинкой. В левом ухе то и дело посверкивало серебряное колечко.

Небольшой поросенок, видимо, только что взлетевший по лестнице, всю перебирал короткими конечностями и целеустремленно мчался прямо на короля. Двое взмыленных часовых и не менее взмыленный начальник караула с гербом через всё сюрко летели следом – чуть менее споро, размахивая клинками и наступая друг другу на плащи.

– Сто-о-о-ой!

– Стой, тебе говорят!

Дворцовая Стража – самое условное из всех военных подразделений Альра’Иллы – вообще не была привычна к бегу, поэтому, как всегда, компенсировала недостаток скорости зычным ором, от которого любая другая свинья давно бы свихнулась... кроме Плинга. Дуан прекрасно это знал. Животное затормозило возле королевских сапог и вскинуло круглое рыльце с торчащими клыками. Дуан, быстро наклонившись, подхватил поросенка на руки и шагнул вперед.

– Что тут происходит, хотелось бы мне знать? Почему шумим?

Стража тоже застыла, разглядев короля; как по команде, мужчины опустили оружие. Дуан сделал еще пару ленивых шагов, и три руки разом взметнулись в почтительном приветствии.

– Ваша светлость!

– Мы!..

– Дай я скажу, недоумок!

– Сам недоумок!

– Заткнули пасти, – отрубил начальник караула, выступая вперед и старательно втягивая живот. Мужчина с любопытством таращился на поросенка, блаженно замершего у Дуана в руках. – Как вам известно, мы проверяем королевские подарки от...

– Мне не известно, – с некоторым удивлением перебил Дуан. – Какие подарки? Почему я слышу об этом впервые?

Начальник караула обеспокоенно заерзал и обернулся, но на этот раз часовые – здоровенные лбы примерно возраста Дуана – порадовались приказу заткнуться. Они молчали, стоя навытяжку, не моргали и, может, не дышали. Мужчина вздохнул, безропотно принимая этот пинок богини судьбы.

– Видимо, советник по Безопасности не успел поставить вас в известность, ваша светлость, а до этого вы очень спешно отбыли... Народ уже давно несет к главным воротам замка все, что, как считает, может вам понравиться. В знак радости от вашего возвращения. Шубы... кристаллы соли... самоцветы... в прошлый Вэн, первый день после вашего отбытия, был рыбный пирог, но...

– Полагаю, его давно уже нет, – слабо усмехнулся нуц, успевший отлепиться от стены и приблизиться.

– Полагаю, та’аш Кеварро прав, – не сдержал смешка и Дуан.

Часовые потупились: вероятно, в Вэн коробки проверяли как раз они. Начальник караула, видимо, решил выручить подчиненных и поэтому продолжил:

– А еще украшения, кинжалы, стулья, горшки – ночные и обычные... чего только нет, мы все аккуратно составляем в специальной комнате для вас, кроме...

– Кроме съедобного, – все же решился и пробасил один из часовых, повыше и черноволосый. – А то вдруг вы это...

– Благородная жертва – не дать мне отравиться, – одобрил Дуан и негромко прошептал, покосившись на Кеварро: – Или отожраться.

Советник в ответ на последнее слово удивленно вскинул брови, и Дуан прикусил губу. Все время говорить только придворным языком было просто невыносимо, особенно если выпить за ужином. Хмурясь, Дуан возобновил свой допрос:

– А что *это*? – Он слегка встряхнул поросенком, отнесшимся к этому с полным равнодушием. – Вы загнали беднягу ко мне на этаж, потому что приравняли к съедобному? Вы не видите, что на нем ошейник?

...Из самой лучшей заморской кожи, с самоцветами, Дарина выбирала. От взгляда не укрылась и просунутая под ремешок аккуратно свернутая записка. Дуан спешно принялся чесать это место – так, чтобы постоянно прикрывать кусочек бумаги ладонью. Поросенок

довольно захрюкал и заерзал. Дуану уже не терпелось разогнать к шан' всех собравшихся, чтобы прочесть послание.

– Ваше величество, прислали совсем недавно. В коробке что-то возилось, мы открыли, а оно вылезло и... – Начальник караула развел руками.

– И ни один из выставленных на наших лестницах караулов не смог изловить такую маленькую свинку? – любезно уточнил Дуан, который про себя благодарил за это обстоятельство всех Светлых, Темных и Переменных богов.

Два часовых как по команде бухнулись на колени.

– Простите! – провыли две могучие глотки.

По напрягшемуся лицу начальника караула догадавшись, что он собирается присоединиться, Дуан спешно помотал головой и улыбнулся.

– Что вы, право... я абсолютно уверен, что моя стража с легкостью задержит любого врага. – Он покосился на почтительно кивнувшего советника. – То, что вас не учили ловить свиней, нельзя ставить вам в вину. Встаньте же.

– А плети? – приглушенно спросил второй из часовых, отрывая веснушчатое лицо от пола.

– Какие плети?

– Отец ваш...

По тан побежала неприятная дрожь. Догадавшись и без продолжения, Дуан топнул ногой.

– Пока я здесь, никого из моей стражи не будут стегать фенгами. В конце концов, это непрактично. Как вы потом будете стоять на карауле? Свободны!

Часовые неуверенно поднялись, переглядываясь.

– Как вас зовут? – уточнил Дуан.

– Это Торн и Ронг, – спешно ответил за них начальник караула.

– А вы?

– Оджест Лиин. – Мужчина уже в третий или в четвертый раз поклонился. Небольшой живот ему явно мешал.

– Хорошо. – Наблюдая, как часовые отряхиваются и выпрямляются, Дуан напутствовал их: – Можете забрать все съедобное, что сегодня прислали. Кроме вина, вино мне. И свинью я тоже оставляю себе, она мне нравится. Доброго вечера.

Когда после еще пары довольно бурных благодарностей стража удалилась на лестницу, снова наступила тишина. Дуан посмотрел на Кеварро. И оба одновременно громко засмеялись.

– Знаете, советник, мне все чаще кажется, что за десять Приливов я ни капли не вырос, – наконец произнес Дуан, качая головой.

– Может быть, это и к лучшему для мирного времени, даже если вы и правы. Вы уже получили в народе очень хорошее прозвище.

Дуан внимательнее оглядел его и прищурился.

– У вас руки дрожат. За ужином я вроде бы такого не заметил. Вам дурно, или вы слишком давно пьёте?

Нуц быстро сложил черные ладони на груди. Дуан выжидательно, с некоторым беспокойством склонил голову, давая понять, что ответить – это приказ. Советник потупился, потом все же открыто взглянул ему в лицо.

– Меня пугают резкие громкие звуки, ваше величество. С... давних времен. Я люблю тишину.

– Вот как? – Дуан грустно улыбнулся. – Это многое объясняет. Надеюсь, мое шумное общество вас не измотало.

– Что вы. Я говорю о стуке доспехов, лязге оружия и прочем подобном. Вероятно, это какая-то травма детства, мне говорили, однажды я чуть не попал под карету, вылетевшую из-

за угла. Иногда я даже... – Кеварро скривился, – начинаю заикаться. Ваша почтенная сестра всегда считала это достойным поводом для смеха.

– А отец? – уточнил зачем-то Дуан, продолжая медленно почесывать поросенка за ухом. Нуц поправил чуть растрепавшиеся волосы. Пальцы по-прежнему подрагивали.

– Нет. Никогда.

– Как странно...

Пришедшие на ум мысли и воспоминания не были особенно приятными, и Дуан решил поскорее их прогнать.

– Желаете вина для успокоения тан и рассудка? У меня найдется запас.

– Нет, благодарю. – Советник поклонился. – Мне еще нужно добраться до дома. Доброй ночи, ваше величество... Кстати, вы уверены, что вам правда нужна свинья?

Дуан задумчиво посмотрел на поросенка. Поросенок посмотрел на него и дружелюбно дернул всеми четырьмя лапами.

– Несомненно. Она мне просто необходима. Ах да... – уже направившись к двери кабинета, Дуан небрежно бросил, – мне рано еще давать прозвища. Особенно такое, как то. Его надо заслужить.

Милосердный.

– Оно в каждом вашем поступке. По крайней мере, пока.

Дуан резко развернулся, но Кеварро уже шагал к лестнице.

– Спасибо, – негромко сказал новый король Альра'Иллы и быстро закрыл за собой дверь.

В кабинете он устало рухнул в ближайшее кресло. Плинг выскочил из разжавшихся рук и забежал по помещению, по-собачьи обнюхивая его углы и ножки мебели. Свечи почти догорели, некоторые погасли, и поросенок, покрытый короткой шерсткой, периодически сливался с особенно темными предметами. Достаточно с его точки зрения осмотревшись, Плинг задрал голову к еще не убранному столу и требовательно стукнул ногой по полу. Спohватившись, Дуан встал, взял оттуда блюдо с почти не тронутыми тушеными овощами и поставил на пол.

– Уверен, тебе надоело сидеть в ящике.

Раздалось довольное чавканье. Дуан присел на корточки напротив.

Эту свинью он впервые встретил примерно при таких же обстоятельствах, как сегодня: она целеустремленно удирала по палубе от Вокнаса, корабельного кока, бывшего грабителя Заморья, неизвестно где подцепленного Тайрэ. Тогда Плинг тоже неслся и тоже визжал, а налетев на нового капитана «Ласарры», совершенно осмысленно остановился. И он не ошибся: Дуан не дал животное, небольшое и жилистое, в обиду. На тот момент – в основном, потому что его все равно едва хватило бы даже на нормальный бульон.

Со временем Дуан привязался к Плингу: для животного он удивительно неплохо соображал. Поросенок легко научился носить записки, мог пролезть в самую маленькую дыру со взрывчаткой в пасти и оставить ее в нужном месте. Нюх у него тоже был неплохой. Плинг стал не только любимцем Дуана, но и довольно ценным членом команды; больше никто уже не думал его есть. А сам Капитан Два Лица, возвращаясь в Альра'Иллу, знал, что сильнее всего он будет скучать по трем существам с «Ласарры». Двум людям и одной свинье.

Вспомнив о записке, Дуан запустил пальцы за кожаный ошейник, выцепил совсем маленький листок бумаги и медленно его развернул.

Не унываешь, королевская задница? Нос по ветру, мы с тобой и почти всегда пьем именно за тебя! Выше нос, гаденыш, я непременно найду способ в скором времени с тобой повидаться. Скучаю. Люблю. Жди. Д.

Здесь мелкий остроугольный почерк сменялся крупными тяжелыми буквами.

Команда в порядке. Ждем возвращения. Не увлекайся короной, Дуан, такой досуг не бывает безопасным. Удачи тебе. Б.

Дуан с тяжелым вздохом свернул послание. Он ничуть не сомневался в том, что Дарина скучает по нему так же, как он по ней, она этого никогда не скрывала. А вот Железный, одобрение которого он так надеялся заслужить... как всегда. Сухие указания и сведения. Не сказал ни о «Милосердном», ни о других достижениях. А ведь вряд ли мог не знать.

Впрочем, нельзя было забывать, что, сколько бы времени ни прошло, писанина давалась ему тяжело, странно, что вообще сподобился. Дуан улыбнулся, отошел от продолжающего ужинать Плинга, завалился на застеленную кровать и прочел послания самых родных членов команды еще раз.

Красный фонарь. Горы просветленных

Нового капитана постепенно приняли, хотя это и стоило Дуану немалых усилий. Впрочем... наибольших усилий ему стоило вообще существовать без напутствий, советов и упреков своего наставника. Без его поддержки и понимания: в случае чего плечом к плечу всегда встанут.

Тайрэ не рассказал, куда именно направится, неясно было, как он, находясь в таком плачевном состоянии, вообще сможет куда-то дойти. Дуан боялся за его раны, которые могли начать гноиться без постоянной обработки снадобьями. Боялся, что Моуд занесёт Тайрэ в вольный город, королевство или станице, где команда «Ласарры» в розыске. И вспоминал все больше и больше тех, кто хотел за что-либо отомстить старому капитану и мог уже идти по его следам.

Вряд ли Тайрэ готов был сразиться с дюжиной противников и победить, как раньше. Да могла ли вообще идти речь о сражениях? Проблематичным для него стало теперь одеваться и есть; деревянные и железные протезы, даже лучшие, с самыми хитрыми удобными наконечниками, не были к этому достаточно приспособлены. Они требовали огромной ловкости в обращении и долгой привычки. Простое застегивание пуговиц или набивание трубки давалось не всегда и не сразу. Дуан часто замечал, как капитан стискивает зубы, раз за разом повторяя одно и то же действие, пока оно не получалось. Замечал, но, встречаясь глазами, отворачивался. Он быстро перестал предлагать свою помощь, как и остальные. Команда знала: беспомощность – единственное, чего Тайрэ себе никогда не позволит. А за попытки навязаться – убьёт.

В тот день, провожая взглядом фигуру в теплом плаще, Дуан мысленно прощался навсегда. Он, в отличие от большинства на «Ласарре», приблизительно знал, что за земли простираются за королевством Нир. Вернее, он знал, что земель как таковых там нет.

Сначала – многие и многие дэлэтры⁴ лесистых Диких Холмов. На холмах приютились редкие бедные поселения, которые с Морским Краем роднит только общий материк и которые не принадлежат ни к одному из существующих здесь государств. Останки Цивилизации Общего Берега, жалкие покинутые обломки, когда-то политые кровью слишком обильно. А дальше – за ними – Силльская Цепь. Вотчины горного народа, пиролангов.

Дуан знал: те, кто зовет себя *горными людьми*, надменно обособились еще на закате Цивилизации: когда загрели Войны За Веру. Ограждаясь от соседей, пироланги обвалили и уничтожили почти все перевалы, по которым можно было добраться до их городов, оставили лишь несколько самых крутых и насмешливо называли их *дорогами храбрецов*. Дуан назвал бы их скорее дорогами смертников: настолько легко там попасть под лавину, сорваться в ущелье. Впрочем, от пиролангов вполне можно было ждать подобного чудачества.

⁴ Дэлэтра – расстояние, примерно равное сухопутной миле.

Внешне могучий, заросший белой шерстью, красноглазый народ напоминал разумных созданий куда меньше, чем белокожие *кхари* и черные *нуц*. Вместе с тем обосновавшиеся в горах существа куда ближе красивых собратьев стояли к богам – Светлым, Темным и Переменным. Возможно, боги избрали их именно за уродливость, а возможно, потому что холодные горные города были лучшей точкой соприкосновения с небом, чем равнинные – разнеженные, балованные теплом. Так или иначе, счастьем для любого «нижнего» королевства было иметь своим верховным жрецом пиrolанга. Молитвы их неизменно находили ответ, выражавшийся в победах, удаче, исцелении, плодородии. Пиrolангами были и три последних жреца Альра’Иллы.

Не только связь с небом неизменно выделяла горный народ и пробуждала жадное любопытство двух других. Те, кому удавалось побывать на пиках Цепи, рассказывали о высотных городах с белыми как снег крышами и разветвленной системой горно-речных дорог, о летающих по небу подобиях лодок и безлошадных каретах. О лекарствах, за день побеждающих недуги, неизлечимые у Моря, и о библиотеках, которые размерами превосходили королевские дворцы. Все это было наследием ушедшей Цивилизации, сбереженным мирным, мудрым народом. Неслучайно верховной в пантеоне горных людей считалась Дио’Дио – карликовая желтоглазая богиня знаний, полукровка нуц. Да, пиrolанги обожали книги, это было едва ли не единственным, что они покупали у своих «нижних» соседей наравне с другими произведениями искусства. В остальном, замкнутые и нелюдимые, они не покидали дом.

Немногие, что оставили Цепь и поселились ниже, с охотой расписывали в болтовне родные места, но не могли объяснить природу своих изобретений. Дуан, пообщавшись с несколькими такими, постепенно сделал вывод, что большинство сами ничего не знают. В Силльских городах, как и везде, видимо, были свои *посвященные* и *просветленные*. А посвященных и просветленных вообще редко можно подманить кружкой выпивки, к какому бы народу они ни относились.

Дуан не раз гадал, зачем Багэрон Тайрэ – без рук, без сопровождающих, даже без карты – решил покинуть команду именно в диком лесном порту, и почти неизменно все догадки сводились к одной, самой страшной. *Он ушел умирать*. Да, с течением Кругов Дуан почти перестал заменять это простое слово выражением «последний сон», потому что на самом деле оно совсем ничего не меняло.

Часто Дуан спрашивал Дарину, взывая к ее слабому дару ясновидения. Но Черный Боцман лишь устало покачивала головой и отмахивалась; кажется, она боялась. Да, она наверняка боялась увидеть то, что Дуан повторял только про себя, особенно когда ему снились кошмары. *Багэрона больше нет*.

Три Прилива. Три Прилива Дуан доказывал, что может заменить того, кого заменил. И в то время как команда постепенно начинала верить в это, сам он разуверялся всё больше. Даже загремевшее вскоре над морем Шиин громкое прозвище, Капитан Два Лица, не вызвало почти никаких гордых чувств. У сбывшихся желаний есть дурная привычка терять вкус.

Дуан знал, что не смиритсЯ. Он даже не занял капитанскую каюту: она так и стояла запечатая, напоминая соляную гробницу. С красивой мебелью, с оставленной в креплении у стола недочитанной книгой, с клинками, скрещенными на стене. Новый капитан заходил туда лишь иногда, чтобы бросить взгляд и отступить, быстро повернуть ключ и отправиться в трюм за выпивкой. Он увидел лишь пятнадцать Прилизов, когда этот корабль стал его домом. Но иногда Дуану казалось, что он жил здесь всегда. Иначе почему с уходом всего одного человека, который этот дом дал, большинство вещей потеряли смысл?

- Наш молодой капитан славный!
- За Дуана!
- Капитан Два Лица!
- *Старик Тайрэ был бы доволен!*

Стоило Дуану во время празднования какого-то удачного дельца услышать это, как он рывком поднялся из-за общего стола и вышел прочь. Потому что желание прострелить башку старому коку стало слишком острым. *Был бы доволен. Был бы.*

Дарина поняла: подошла и долго стояла рядом, положив голову Дуану на плечо. Голая, черная, совершенно не дрожащая от холода и такая же несчастная, как он сам. Они обнимали друг друга и молчали. Как всегда, когда им становилось невыносимо на этом одиноком борту.

Дуан взял тогда старый круглый фонарь из красного стекла и повесил на один из канатов. Он всегда так делал раньше, когда они с капитаном шли на баркентине вдвоем и когда тот отправлялся куда-нибудь, оставляя принца. Тот старался поднять фонарь повыше, чтобы «Ласарру», не выделявшуюся среди множества судов ни формой, ни носовой фигурой, проще было найти.

...А через несколько дней команде, которую, видимо, выдал кто-то из прежних врагов, устроили засаду в захолустном городке на Гара-Гола, куда «Ласарру» завели для замены парусов.

В окружение прямо в безлюдном порту попали Дуан, Дарина и еще восемь человек. Атаковавшие принадлежали к гильдии Крыс, к команде, давно прельстившейся быстроходным чужим кораблем и успевшей устроить несколько неудачных нападений на воде. Не каждая из тех Крыс имела даже пистолеты, но зато Крыс было много. В какой-то момент капитан «Ласарры» осознал: они проигрывают; на камнях набережной лежали уже трое своих. Это могла быть самая нелепая, неожиданная гибель. Но Рыжая Моуд снова вмешалась в происходящее.

...Они появились из густого, непроглядного тумана – огромный косматый пироланг и кто-то, почти не уступавший ему в росте, закутанный в плащ. Возможно, тоже из горных, хотя обычно они не носили одежды, тем более – настолько закрытой, равно как не носили тяжелых сапог и железных перчаток. Когда этот второй обнажил два длинных клинка, закруглявшихся к концам наподобие серпов, Дуану вдруг показалось... впрочем, он отсек эту мысль, не позволяя ей задержаться: слишком близко от горла была чужая сабля.

Двое переменили расклад за считанные швэ. Пироланг окончательно утвердил его, выпалив из какого-то длинного, похожего на тонкую пушку без колес, агрегата, который прежде крепился ремнями к шерстистой спине. Залп был огненно-зеленый. Крысы, никогда не отличавшиеся ни слабоумием, ни отвагой, отступили, скрылись в тумане так же неожиданно, как и появились, бросив убитых. Пираты «Ласарры», настороженно переглядываясь, сразу сбились в кучу: намеренно так, чтобы прикрыть от чужаков трех своих раненых. Доверяться сразу, пусть даже и тем, кто пришел на выручку, они не привыкли. Дуан стоял впереди и настороженно смотрел на пироланга и его спутника. Отогнанная во время боя мысль возвращалась – дикая, издевательская, становящаяся тем мучительнее, чем больше принц старался проникнуть взглядом под капюшон второго незнакомца. Дуан сделал вдох, поклонился и церемонно произнес:

– Мы благодарим вас. Кто вы? Почему вмешались?

Пироланг молчал, изучая всех и каждого поочередно с явным любопытством. Вместо его голоса прозвучал другой:

– Удивительно, что ты еще не забыл манеры, мой юный друг. Я был уверен, что эта должность быстро превратит тебя в свинью.

Человек стянул капюшон, и почти все пираты одновременно издали по возгласу разной степени содержательности и грубости. Перед ними стоял сам Багэрон Тайрэ.

Дуан сильно ошибся, когда пробовал предугадать его будущее. Капитан смог прекрасно постоять не только за себя, но случайно постоял и за встреченного на каком-то дохлом постоялом дворе пироланга. Тери, молодой жрец Дио'Дио, чуть не попал в плен к трем следопытам, разведывавшим путь в горы. Тери, несмотря на огромные рост и силу, не умел драться; мужество искалеченного незнакомца, пришедшего на помощь, настолько впечатлило

жреца, что он по-своему выразил благодарность: предложил то, что для большинства чужаков до *последнего сна* остается мечтой. Тери пригласил капитана подняться на Цепь. Багэрон Тайрэ пробыл в *белых городах* три Круга, успев, как сам рассказал впоследствии, обучить фехтованию и рукопашной не один местный выводок. Теперь же вернулся. И сделал это так же эффектно, как делал всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.